

ШКОЛЬНИЙ ВЕСТНИК

6+

8/2018

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

8/2018

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Илья Бруштейн. Уральский характер	1
	Людмила Митрохина. Манна небесная	18
Главный редактор Ю.И. Кочетков	ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ Виктор Першин. Так расположились звезды	37
Редакционная коллегия:	ПРОБА ПЕРА Даниил Хачатуров. Стихи	49
С.В. Винокурова	Григорий Ахтиманкин. Кот-библиотекарь	50
В.И. Горбатов	Маша Адзелу. Хвастливый зайка	51
В.З. Денискина	Аракчеева Диана, Дудин Иван. Забытая парта	52
И.Н. Зарубина	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Алексей Боровиков. Стихи	54
О.В. Клековкина	Алексей Ганин. Стихи	56
Ю.И. Котов	АЗ, БУКИ, ВЕДИ Ольга Коляда. Стихи	68
В.В. Кулешов	Карел Чапек. Почтарская сказка	69
Т.М. Морева	Сергей Георгиев. Беляевская заимка	87
И.И. Семёнова	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ Лариса Шевцова. Урок 28. Рябинка	102
А.П. Торопцев		
З.А. Шишкова		

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР, ИЛИ ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Алексея и Евгению Боровиковых можно назвать самой известной молодой незрячей парой в Челябинской области. Они познакомились в июне 2015 года в Волгограде на Всероссийском образовательно-патриотическом молодёжном форуме ВОС «Помним о прошлом — верим в будущее!», посвящённом 70-летию Великой Победы.

Мероприятие было посвящено серьёзной теме, но молодёжь есть молодёжь, и организаторы предусмотрели интересную развлекательную программу и впервые «опробовали» на молодёжной восовской встрече игру «Любовь с первого взгляда», по образцу популярной в 1990-е годы телеигры.

Алексей и Евгения стали первой парой, «образовавшейся» во время этой игры и принявшей решение соединить свои судьбы. Сейчас игра «Любовь с первого взгляда» часто появляется на многих молодёжных мероприятиях ВОС.

После окончания волгоградского форума их общение продолжилось. В то время Алексей жил в городе Ялуторовске Тюменской области, а Евгения — в Челябинске. Они навещали друг друга. С октября 2016 года стали жить вместе. В январе 2017 года — сыграли свадьбу.

О «СУДЬБОНОСНОЙ» ИГРЕ

Мой первый вопрос в беседе с Алексеем касался той самой игры.

— *Действительно ли она сыграла такую «судьбоносную» роль в их встрече?*

— Игра была интересная. Нам она очень понравилась. Но я бы не стал придавать ей такое значение! Думаю, что и без неё мы бы стали парой. Молодёжный форум проходил в течение недели. Игра «Любовь с первого взгляда» состоялась в предпоследний день. Некоторые пары действительно возникли во время игры. Но у нас произошло по-другому. Думаю, что «стрелы Амура» поразили нас обоих уже в первый день форума, а игра дала возможность нам с Женей лучше узнать друг друга.

В настоящее время мне доверено возглавлять Молодёжный совет Челябинской региональной организации ВОС. Мы тоже во время наших мероприятий проводим подобные игры, помогающие парням и девушкам раскрыться, раскрепоститься, лучше узнать друг друга.

— *А чем игра может быть полезна в этой ситуации?*

— Это психологическая игра. Парни и девушки отвечают на каверзные вопросы ведущего, касающиеся различных жизненных ситуаций, взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Кроме того, образовавшиеся пары вместе выполняют различные задания: угадывают мелодии, сочиняют и читают стихи, поют, танцуют. Могут быть какие-то весёлые задания, когда девушкам нужно быстро, красиво и правильно повязать молодому человеку галстук.

Участие в игре должно способствовать возникновению симпатии между участниками, дружеских чувств, положительных эмоций. А это, в свою очередь, может помочь кому-то из участников в дальнейшем устроить личную жизнь.

— А почему игра названа «Любовь с первого взгляда»?

— С одной стороны, «Любовь с первого взгляда» — это бренд. В течение многих лет такая игра транслировалась по телевидению. С другой стороны, в этом названии применительно к незрячим и слабовидящим людям содержится определённая провокация. Но это провокация сознательная! Название даёт повод задуматься. В конце концов, у незрячих людей тоже может быть «любовь с первого взгляда», если рассматривать это выражение не в прямом, а в переносном смысле.

— Алексей, какое значение для незрячего человека имеет внешность будущего спутника или спутницы жизни?

— Могу сказать только о себе. Конечно, внешность имеет значение. И собственная внешность (хочется быть привлекательным для противоположного пола!), и потенциальной спутницы. Здесь можно довериться интуиции, узнать мнение зрячих друзей и родственников. Но всё-таки, мне думается, этот фактор не играет такой важной роли, как у зрячих. Гораздо важнее душевный контакт, родство жизненных целей, взаимное понимание. Чтобы люди были «на одной волне».

Что касается внешности, то многие друзья и родственники говорили нам, что мы с Женей внешне очень похожи. Почти как брат и сестра. И тип фигуры, и черты лица. Думаю, что это не случайно. Нас действительно с самой первой встречи как магнитом тянуло друг к другу.

С ДЕТСТВА МЕЧТАЛ СТАТЬ ЮРИСТОМ

— Хотелось бы побольше узнать о вашей жизни.

— Я родился в районном центре, в селе Ярково

Ярковского района Тюменской области в 1991 году. Наша семья всегда жила традиционной деревенской жизнью. Был большой огород, куры, свиньи, корова. Папа всю жизнь работал рабочим в строительной бригаде, мама — продавщицей в магазине.

Сейчас, к сожалению, мамы уже нет в живых, а папа продолжает жить в родном селе, в том же доме, где я родился. В Ярково живёт моя сестра Ольга, она замужем, воспитывает дочь Катюшу. Я с удовольствием приезжаю на родину, теперь уже с Женей.

— *У вас с детства проблемы со зрением?*

— С рождения я видел очень плохо, но небольшой подгляд у меня был. Полностью потерял зрение к семи годам, как раз ко времени начала школьной жизни. С того момента у меня сохранилось только светоощущение.

Я стал учиться в школе-интернате в городе Ялуторовске. Систему Брайля освоил очень быстро, уже в первом классе полюбил читать. После первого класса вернулся домой на каникулы, а во второй класс уже не пошёл... Дело в том, что в детстве я много болел, цеплял все инфекции, и мама после первого класса, когда половину учебного года я провёл в изоляторе, просто побоялась отправлять меня обратно в школу. В итоге пять лет я провёл дома, они были вычеркнуты из школьной жизни.

Но дома мне тоже не было скучно. Мне присылали брайлевские книжки из Тюменской библиотеки для слепых. Кроме того, папа много мне читал вслух. Особенно я полюбил шеститомник «Сказки народов мира», который был у нас дома. Думаю, что все эти шесть томов я проштудировал по несколько раз.

Потом, к счастью, общее состояние здоровья улучшилось, и в 2004 году я с большой радостью вернулся в Ялуторовск, в родную школу. Окончил я её в 2014 году.

— *Какие предметы вам больше всего нравились в школе?*

— Меня очень рано увлекло право. С детства мечтал стать юристом. Такого предмета в школьной программе нет. Но правовые вопросы, в частности государственное устройство в различные исторические периоды, изучаются в курсе истории и обществознания. Кстати, именно преподаватель истории и обществознания Надежда Михайловна Хохлова увидела мой интерес к праву и поддержала мой выбор будущей профессии. Наверное, она была одним из первых людей, с кем я поделился своим желанием стать юристом.

В школьном самоуправлении мне доверили возглавлять комиссию по правовым вопросам.

— *Чем же занималась эта комиссия?*

— Можно сказать, что она занималась правовым ликбезом, ликвидацией правовой безграмотности среди учеников. Мы проводили занятия, рассказывающие ребятам о том, что они должны учиться отвечать за свои поступки. Это относится и к законам страны, и внутреннему распорядку школы-интерната.

Например, на нашей комиссии мы обсуждали различные нарушения дисциплины, случавшиеся в интернате. Кто-то курил, кто-то с кем-то подрался, кто-то шумел после отбоя.

— *Обычные ситуации в школе.*

— Ситуации обычные, но всё-таки они являются нарушениями. Задача нашей комиссии состояла не в том, чтобы пристыдить или наказать нарушителей, а вразумить их.

— *Меньше стали курить после ваших бесед?*

— Кто-то бросил курить, кто-то научился это лучше скрывать. Но, во всяком случае, польза от работы нашей правовой комиссии была. Я старался объяснить одноклассникам, что мы вполне можем самостоятельно и с помощью учителей разрешать все недоразумения, возникающие в школьной жизни.

Специфика школы-интерната состоит в том, что родители находятся далеко. А значит, нам необходимо постараться на месте решать проблемы, по возможности, не огорчая родителей и не привлекая их в качестве арбитров или защитников.

— *Работа в школьном самоуправлении укрепила ваше желание стать юристом?*

— Именно так и было! Кроме того, в 2011 году на конкурсной основе меня избрали в Молодёжную палату Ялуторовской городской думы.

— *Что такое Молодёжная палата?*

— И в России, и во многих зарубежных странах при органах законодательной власти разного уровня — федерального, регионального и местного — создаются «Молодёжные палаты» с правом совещательного голоса. Такие молодые люди могут изнутри познакомиться с работой законодателей, а заодно стать участниками «депутатского резерва». Сегодняшние участники Молодёжной палаты имеют все шансы завтра самим стать депутатами.

Благодаря Молодёжной палате законодатели получают обратную связь с молодыми избирателями. Они могут понять, как молодёжь оценивает жизнь в каком-либо городе или регионе. В нашей Молодёжной палате Ялуторовской городской думы заседали 19 парней и деву-

шек в возрасте от 16 до 30 лет. Я был единственным молодёжным депутатом с инвалидностью.

У нас была возможность участвовать и в пленарных заседаниях городской думы, и в работе её комитетов и комиссий. Мы часто встречались с руководителями Ялуторовска.

— *Что вам запомнилось больше всего за время работы в Молодёжной палате?*

— По инициативе Молодёжной палаты был поднят вопрос об установке звукового светофора перед зданием нашей школы-интерната. Кроме того, по нашей инициативе был перенесён пешеходный переход. И дорогу стало переходить удобнее.

Мне как будущему юристу было интересно наблюдать не только за работой депутатов, но и за работой юридического отдела аппарата городской думы. Все законопроекты местных законодателей проходят многочисленные экспертизы. Этим занимаются не только сотрудники думы, но и работники городской прокуратуры, различных профильных ведомств. Кроме того, по различным законопроектам организуются общественные слушания.

Например, депутаты рассматривали «Закон о продаже алкогольной и табачной продукции в районе образовательных организаций». Ставился вопрос, на каком расстоянии разрешить размещать такие торговые точки. Расстояние должно составлять 50 метров или 100? В итоге остановились на ста метрах.

— *А лично вы пытались продвигать какие-то законодательные инициативы?*

— Я много занимался претворением в жизнь «Закона о квотировании рабочих мест для инвалидов». Этот за-

кон предполагает и так называемую «аренду рабочих мест». Например, многие крупные предприятия не имеют возможности трудоустроить у себя соискателей с инвалидностью. Зато организации инвалидов, в том числе и Общество слепых, может «арендовать» у них рабочие места. Человек с инвалидностью работает в общественной организации, например, в качестве юриста, секретаря-референта, бухгалтера, водителя и т.д., а зарплату ему платят коммерческие структуры.

Таким образом, общественные организации инвалидов могут принять на работу необходимых им экспертов. Других источников средств для оплаты персонала у них, как правило, нет.

В Тюменской области эта система работает на практике. Я сам в течение некоторого времени занимался мониторингом доступной среды в местном отделении Всероссийского общества инвалидов (ВОИ). А зарплату мне платила одна из городских фирм Ялуторовска. Теперь я живу в Челябинске, и хотелось, чтобы этот опыт был востребован и здесь.

— *Как сложилась ваша жизнь после окончания школы-интерната?*

— Мне очень нравился Ялуторовск. Поэтому после окончания школы я не стал возвращаться в родное село и не поехал учиться в большие города, а остался на месте. Снял жильё в Ялуторовске, стал заочно учиться на юридическом факультете Уральского института коммерции и права. Филиал института располагался в городе Заводоуковске, в непосредственной близости от Ялуторовска.

Правда, доучиться в этом вузе мне не довелось. Его лишили лицензии. И сейчас я заочно учусь на юриди-

ческом факультете Курганского государственного университета.

НОВАЯ ЖИЗНЬ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

— *Алексей, с октября 2016 года вы живёте в Челябинске. Как сложилось здесь ваша жизнь?*

— До нашего знакомства Женя жила в Челябинске одна. Отдельная квартира ей досталась от бабушки. Женя предложила мне жить у неё. Я переехал в Челябинск, и мы стали готовиться к свадьбе. Благодаря моей супруге у нашей семьи уже есть отдельное благоустроенное жильё, двухкомнатная квартира. Поэтому нам не нужно брать ипотеку под кабальные проценты. В этом плане наша жизнь складывается гораздо легче, чем у многих молодых семей.

— *Вам удалось найти себя в Челябинске? Реализовать себя?*

— Я ещё не закончил учёбу, но работа по специальности у меня уже есть. Я работаю юридическим консультантом. Уже есть опыт представления интересов граждан в судах.

— *Разве для того, чтобы представлять чьи-то интересы в суде, не нужно быть адвокатом, иметь законченное юридическое образование?*

— Это правило относится только к уголовным делам. В этом случае действительно обе стороны процесса представляют исключительно профессиональные адвокаты, или они это делают сами. Но в гражданских делах таких ограничений нет. Например, если человек судится с Пенсионным фондом из-за размера начисленной пенсии, то его интересы в суде может представлять кто

угодно. Для этого не нужно быть профессиональным юристом. И это относится к судам всех инстанций. В настоящее время по просьбе заявителя я готовлю кассационную жалобу в Верховный Суд России. Вопрос как раз касается пенсии.

Оспариваемая сумма, кстати, совсем небольшая, несколько десятков рублей. Человек считает, что его пенсионный стаж был подсчитан неправильно. Большинство людей из-за этой суммы вообще не стали бы судиться. Но все люди разные. И у юристов всегда будет много работы. В этом я уже смог убедиться на собственном опыте!

— *Оптимистичное утверждение! Вы ещё не закончили учёбу, а уже работаете по специальности.*

— В Челябинске я стал членом Ассоциации юристов России. И на общественных началах приходится консультировать, и на платной основе. Кроме того, научился зарабатывать деньги в Интернете. Один крупный российский интернет-портал даёт возможность пользователям за разумные деньги получать юридические консультации. А юристы в различных регионах страны, и я в том числе, получают дополнительных клиентов.

— *Вы считаете, что юрист — подходящая специальность для незрячего человека?*

— Для слепых и слабовидящих людей открыты почти все области юриспруденции. В основном юристы работают не с визуальными изображениями, а с законодательными и нормативными актами. Для этой специальности необходимы аналитические способности, а они могут успешно развиваться и при отсутствии зрения.

— *Какие области юриспруденции вас особенно интересуют?*

— В последнее время меня особенно увлекла защита прав потребителей в сфере потребительского кредитования. Эту область права ещё называют «антиколлекторской защитой».

— *Вы защищаете людей, ставших жертвами недобросовестных коллекторов?*

— Этим я тоже занимаюсь, но не только. Существуют случаи, когда закон нарушают не только коллекторы, но и финансовые учреждения, незаконно передавая коллекторам личные данные заёмщиков. Кроме того, я сталкивался с ситуациями, когда кто-то вообще не брал кредит, а оказался на крючке у коллекторов. В этой области часто происходят различные ошибки и недоразумения.

Я не хочу сказать, что мне симпатичны недобросовестные должники, берущие кредиты и не желающие их потом отдавать. Такие люди не вызывают никакого сочувствия. Но в любом случае, в сфере потребительского кредитования для юристов существует большое поле работы, чтобы, как говорится, «отделить зёрна от плевел», отделить реальных мошенников от жертв коллекторского, а порой и банковского произвола.

Этой работой я намерен и в дальнейшем заниматься. Кроме того, меня интересует юридическое сопровождение сделок с недвижимостью. Также привлекает арбитражное и семейное право.

— *Знаю, что в Челябинске вы успеваете не только работать и учиться, но и активно занимаетесь общественной работой.*

— Меня избрали председателем Молодёжного совета Челябинской областной организации ВОС. Кроме того, я вхожу в Комиссию по доступной среде при областной администрации. Конечно, мне бы хотелось быть полез-

ным в этой области. Но, объективно говоря, в этой сфере я нахожусь только в начале пути. В Ялуторовске общественная работа шла активнее. Челябинск — огромный город, и мне ещё нужно многому научиться, чтобы стать по-настоящему полезным Обществу слепых.

— *Женитьба изменила ваш характер, ваш образ жизни?*

— Наверное, самое главное изменение состоит в том, что и я и Женя стали реже говорить слово «я», и чаще употреблять местоимение «мы». Мы — вместе, мы — семья, мы — принадлежим друг другу, мы хотим детей.

«ГЛАВНОЕ — МЫ ДОПОЛНЯЕМ ДРУГ ДРУГА»

Алексей Боровиков уже неоднократно становился героем журналистских материалов. А вот его жена — человек непубличный. Но в данном случае она согласилась сделать исключение и пообщаться с журналистом.

— *Евгения, хотелось из ваших уст узнать историю вашего знакомства с Алексеем. Чем он вас привлёк? Почему вы решили связать ваши судьбы?*

— Наше сближение с Алёшей происходило постепенно, но очень гармонично. Думаю, что я уже с первых встреч поняла: «Это мой человек, мой мужчина! Никому не отдам!»

Главное — мы дополняем друг друга. Он — человек творческий, яркий, активный, импульсивный. Не только юрист, но и литератор. Пишет стихи, рассказы. Мы можем с ним идти по улице, а он начинает декламировать мне новое стихотворение. А я вношу в его интересную, но немного сумбурную жизнь чёткость, стройность, упорядоченность.

Кстати, по профессии я — педагог математики и физики, а муж — типичный гуманитарий. Говорят, что противоположности сходятся. Это как раз о нас!

— *Союз физики и лирики?*

— У нас не только профессиональные интересы расходятся, но и темпераменты. Алёша — экстраверт. Человек публичный, активный, боевой, напористый, энергичный. А я по натуре — спокойная, домашняя. Иногда Алёше не хватает спокойствия, планомерности, системного подхода к жизни. Этими качествами я сполна обладаю.

Но, конечно, есть у нас и много общего. Мы оба нацелены на семью. Для нас огромное значение имеет преданность семейным ценностям. Мы оба хотим детей.

Алёша — мечтатель. У него много планов, много идей. Но, с другой стороны, он обеими ногами твёрдо стоит на земле. Для него важно быть самостоятельным, он хочет быть кормильцем семьи, настоящим мужчиной. А я, со своей стороны, стараюсь создавать домашний уют, поддерживать его во всём.

— *Получается, что у вас достаточно традиционное распределение ролей между мужчиной и женщиной.*

— В чём-то оно традиционное, но отношения между нами демократичные. У нас нет главы семьи, все вопросы мы стараемся решить с помощью диалога. И семейный бюджет всегда вместе планируем. Стаж семейной жизни у нас небольшой. Но принципиальных разногласий пока, слава богу, не обнаружилось.

— *Евгения, у вас ведь тоже, как и у Алексея, первая группа инвалидности по зрению. Когда вы создали семью, пришлось ли вам столкнуться с какими-то бытовыми трудностями?*

— Мы живём самостоятельно. И никаких трудностей у нас не возникает. По сути, это предрассудок. Некоторые зрячие люди думают, что инвалидность по зрению связана с «бытовой инвалидностью», необходимостью опеки. На самом деле мы почти всегда без посторонней помощи можем справиться со всеми бытовыми вопросами.

Мы оба являемся уверенными пользователями компьютером. С помощью Интернета можно зайти на сайт любого магазина, например, продовольственного, заказать все необходимые продукты и забрать их в магазине или оформить доставку на дом.

Оплату коммунальных платежей тоже можно произвести с помощью Интернета. Для этого не требуется рассматривать бумажные квитанции. Уборкой и готовкой в нашей семье в основном занимаюсь я. Трудностей этот процесс не вызывает. Из всех бытовых приборов я особенно люблю мультиварку. И, к счастью, именно мультиварки прекрасно приспособлены для незрячих и слабовидящих людей. Все действия и все программы там озвучиваются.

Газовой плитой я тоже умею пользоваться. Но в современной мультиварке можно и печь, и жарить, и варить, и тушить.

Наверное, нам с Алёшей повезло в том, что до знакомства друг с другом мы много лет жили самостоятельно, без родителей. Поэтому когда я вышла замуж, то не столкнулась с какими-то дополнительными трудностями. Всеми бытовыми вопросами я и раньше занималась.

Конечно, когда я училась в институте, то для себя почти не готовила. Но любимого мужа мне приятно накормить домашней едой.

— *Расскажите, пожалуйста, о себе, об основных этапах своей жизни.*

— Я родилась в 1992 году в Челябинске и живу здесь в течение всей жизни. У меня плохое зрение с самого рождения. Но зрительные возможности в течение жизни не изменились. Поэтому к своей жизненной ситуации я привыкла.

Училась в Челябинске, в специализированной школе № 127 для детей с нарушением зрения, в классе для слабовидящих. Мы использовали обычные плоскочечатные книги с укрупнённым шрифтом. Также с детства занималась вокалом, окончила музыкальную школу по классу фортепьяно.

В школе мне особенно нравились математика и информатика. После школы поступила в Челябинский государственный педагогический университет. Получила диплом преподавателя математики. Учёба мне нравилась.

— *А почему после окончания института вы не пошли работать в школу по специальности?*

— Я поняла, что по натуре я — интроверт. Наверное, мне было бы сложно работать с детьми, выступать перед большой аудиторией. После окончания вуза я какое-то время подрабатывала в Интернете, писала на заказ контрольные и курсовые работы для студентов. В настоящее время я работаю дома в качестве телефонного консультанта одного из банков. Моя работа состоит в том, чтобы отвечать на звонки, помогать клиентам совершать банковские операции в интернет-банкинге.

Я отвечаю на самые разные вопросы. Кого-то нужно проконсультировать о графике платежей по кредиту, кто-то хочет узнать о процентах по различным вкладам. Я могу проинформировать о любых банковских услугах.

Обычно каждый час я отвечаю на 15 — 20 звонков. В день может быть до 120 звонков. Дистанционная работа имеет свою специфику. У меня есть фиксированная зарплата, премии. Но мне не нужно тратить время на дорогу от дома до офиса, наша квартира стала и моим «рабочим местом».

— *При дистанционной работе нет общения с коллективом. Вас это не смущает?*

— Мне вполне хватает общения с мужем, родственниками, друзьями.

— *Чем вы любите заниматься в свободное время?*

— У нас дома много кактусов. Это мои самые любимые растения. Люблю цветы. С удовольствием посещаю выставки цветов. Люблю читать фантастику, выступать на мероприятиях ВОС с вокальными номерами.

Я очень люблю настольные игры, в том числе специальные, предназначенные для незрячих и слабовидящих (с надписями брайлевским шрифтом). Одна из самых любимых игр — «Монополия». Также люблю различные интеллектуальные игры, такие как «Что? Где? Когда?».

Встреча в семье Боровиковых подошла к концу. Уходить из их гостеприимного дома не хотелось. На прощание Евгения полушутливо-полусерьёзно заметила: «Многие думают, что я переживаю из-за проблем со зрением. Но на самом деле, в жизни беспокойство мне всегда доставляло совсем не зрение (к его особенностям я давно привыкла!), а рост. Он у меня всего 149 сантиметров. Ничего не могу достать в магазине с верхних полок!»

Евгений и Алексей — люди оптимистичные, позитив-

ные, светлые. Кажется, что у них вообще нет никаких проблем. А если проблемы и появляются, то молодые люди преодолевают их без жалоб, ропота и уныния. Вместе они идут по жизни, помогая друг другу и вселяя уверенность в других людей.

МАННА НЕБЕСНАЯ

Глеб спал глубоким тревожным сном, веки незрячих глаз подергивались, будто он наблюдал яркие, быстро мелькающие кадры. Ему снился странный тяжёлый чёрно-белый сон, в котором повторялось одно и то же: шум листвы, карканье ворон над головой, узкая неровная тропа, по которой к чему-то деревянному, стоящему под ногами, его вели под руки неизвестные люди. Он натыкался на это и останавливался. Он знал, что там, в деревянном ящике, спит его любимая баба Лёля, и недоумевал, почему именно в ящике. Его просили наклониться и попрощаться с ней. Он наклонялся и прикасался, но не к ней, а к какому-то холодному гладкому камню. Ужас пронизывал его с головы до ног. Он вырывался и бежал назад, но его опять приводили, наклоняли над ледяным камнем, в который он упирался двумя руками, чувствуя страшную отстранённую неподвижность смерти...

Глеб проснулся от глухих стуков в ушах. Сердце билось, как у кролика, которого он однажды держал в руках. Бабушка тогда сказала ему, что так часто бьётся сердце и у людей, если их напугать. Ему было жаль кролика, он не хотел его пугать и положил его осторожно в клетку. Страх и сердцебиение были едины — он это запомнил. Он вспомнил вчерашний день, похороны бабушки Лёли, с которой был неразлучен почти все свои неполные восемнадцать лет. Ныла грудь, болела голова, было холодно и как-то безразлично в этой чужой квартире, куда его непонятно зачем привели, сказав, что

на время. Здесь жила его мать Нина, с которой он очень редко виделся, и то только у бабушки. Отца он не знал. Бабушка говорила, что он послана ей Богом взамен пропавшего без вести во второй Чеченской войне сына. И она стала для него всем — и отцом, и матерью, и опорой в его безмерном тёмном пространстве.

Прошлое будто оборвалось с крутой скалы, катясь по закоулкам памяти в какую-то таинственную нишу, где собирались все его воспоминания, весь его опыт, дорожке которого у него сейчас ничего не было. Это был его клад. И в эту свою накопленную опытом жизнь, выстроенную руками и сердцем бабушки, он никого не мог допустить. Звуки другой, новой жизни лишь отдалённо доходили до его сознания, как эхо огромной тревожной бездны, в которую кидали мысли и слова, словно камушки для проверки глубины этой бездонности.

Несмотря на плотную тишину постоянно закрытого для него на замки дома, Глеб ощущал биение жизни, представляя себя за стеклянной стеной, за которой торопливо ходили люди, шуршали шины машин, слышались голоса, шумела листва деревьев... Всё то, что происходит на улице, и что нельзя было «осмотреть» руками, представлялось ему незначительным, в уменьшенном виде. Иногда ему казалось, что люди за стеклянной стеной видят его, даже наблюдают за ним. И тогда он терялся, внутренне сжимался, стараясь стать незаметным. Движения его становились неуверенными, он терял ориентиры в пространстве, натыкался на стены и косяки дверей.

Бабушкина квартира, в которой они жили, была просторная, из трёх комнат. Там он знал всё и легко обходился без белой трости. А сейчас ему казалось, что он

словно в клетке. Несколько раз он обходил комнату, осторожно ощупывая все углы, стены и предметы, но никак не мог запомнить, где дверь. Глеб понимал, что надо сосредоточиться, взять себя в руки, но эта комната действовала на него странным образом — он не чувствовал себя в ней в безопасности и сильно нервничал. Что-то точило его непонятной тревогой, и очень хотелось вернуться домой.

Хлопнула входная дверь. Послышались громкие голоса и тяжёлые шаги. Он узнал воркующий вкрадчивый голос матери, перебиваемый резкими фразами густого баритона с непонятным акцентом:

— И за что мне это наказание, за что, Джудик? Всё шло как по маслу. Она должна была протянуть ещё годков десять. Мы тогда бы всё сделали, как надо, не торопясь, по нашему плану. Уехать из этого рая и получить проблем по горло...

— Ноу проблем, Нинон! Полгода — и всё о'кей. А сейчас дела. Потом наверстаешь свой рай с прибылью.

— С лихвой, у нас говорят, — ответила Нина. — Да тише ты! Пойду что-нибудь приготовлю. Даже не знаю, как я с этим справлюсь! Пожалей меня, Джудик, милый. Ты обещал мне помочь, не забудь.

— За определённую плату, дорогая.

— В кредит, дорогой.

Рай, о котором говорила мать, Глеб представлял смутно. Он только знал, что она много лет проживала нелегально в Америке, работала нянькой у русских эмигрантов, так как не знала английского языка. В последнее время она нашла семью с двумя собачками, убирала дом и выводила собачек на прогулку. Это, видимо, и был её рай.

Глеб сидел и ждал, когда откроется дверь и его позовут ужинать. С бабушкой было всё иначе. Когда открывалась дверь, он слышал её весёлый голос и выходил ей навстречу, брал тяжёлые сумки и нёс на кухню. Они вместе разбирали пакеты и играли в игру на узнавание — он их ощупывал и называл, какие продукты в них лежали. Иногда они готовили пельмени, сырники или котлеты, стоя рядышком, плечо к плечу. Бабушка учила Глеба готовить, приговаривая, что она не вечна, а жизнь у Глеба должна быть долгой, интересной, вне зависимости от разных обстоятельств. Он знал всё про свой дом, чувствуя себя в нём в полной безопасности. Ему порой казалось, что там нет никаких стен, углов и препятствий, что давало ему абсолютное чувство свободы передвижения и освобождало от долгих поисков необходимых вещей. Порядок в их доме казался Глебу незыблемым, установленным свыше раз и навсегда.

В доме матери было всё по-иному: ему казалось, что вокруг были одни стены, шкафы с острыми углами, закрытые непроницаемые двери. У него постоянно звенело в ушах в этом чужом доме. Раньше, то есть в жизни с бабушкой, он только на улице чувствовал непреодолимые препятствия, так как сразу появлялся звон в ушах и какое-то невыразимое ощущение на коже лица. Он чувствовал стены домов, большие деревья, рекламные столбы, громоздкие препятствия, стоявшие за метр-полтора от него. Но никогда прежде это его странное чувство не проявлялось в квартире, более того — не реагировало на людей. Впервые это чувство среагировало на человека. Этим человеком оказалась его мать. Даже от её Джудика не веяло непреодолимым препятствием, хотя от него исходило ледяное равнодушие. Глеб при нём чув-

ствовал себя пустым местом. Джудик просто не замечал его, говорил с матерью так, будто его и не было рядом. Он мог громко чавкать, задевать под столом ногами, выпивать и поносить Россию с её устоявшимся беспорядком, безмозглостью и хаосом, которыми он славно пользовался, гостя на её земле. Мать вблизи вызывала у него тревожащий шум в ушах, который будто говорил ему, что это — препятствие, опасность, которую надо обойти, во что бы то ни стало.

Из кухни потянуло жареным мясом и картошкой с луком. Глеб почувствовал от дуновения воздуха, что дверь неслышно отворилась. Кухонные запахи усилились. Кто-то стоял в дверях и просто молча наблюдал за ним несколько секунд. Затем послышались приближающиеся шаги, которые он узнал сразу и тут же погрузился в глухую шумовую завесу. Он понял, что перед ним стояла его мать.

— Пошли ужинать. Руки вымой. Никак не могу привыкнуть, что ты сидишь в темноте, всё кажется, что ты спишь.

Мать вышла из комнаты, не помогая Глебу найти ванную и кухню, решив, что достаточно и раза, чтобы всё запомнить, только набив шишки, можно приобрести опыт, решила она.

Ужин прошёл в напряжённом молчании под стук посуды и шум газовой колонки. Время от времени раздавалось громкое бульканье, Глеб сразу учуял алкоголь. Ему не дали ножа и вилки, к которым он давно привык, а всучили в руку столовую ложку, велев мясо есть руками, как пирожок. Запив ужин чашкой едва тёплого чая, он наконец-то отправился в свою комнату. Глеб почувствовал, что он мешает общению матери с Джудиком. Он

быстро понял, что он вообще лишний в их жизни, хотя надежда на любовь матери теплилась в его душе. Юношеское воображение, растворённое в романтическом книжном восприятии жизни, упорно отказывалось расстаться с этой мечтой.

Поняв, что теперь до утра его никто не потревожит, Глеб лёг на диван. Ему хотелось думать только о хорошем, не слышать никаких звуков, укрыться внутри себя и представлять себя вновь и вновь Николаем Ростовым, который завладел его воображением при чтении «Войны и мира» Толстого.

Вот он, как Николай Ростов, вбегает вместе с офицером Борисом, пятнадцатилетней Соней, племянницей графа Ростова, маленьким братом Петей вслед за бегущей именинницей, тринадцатилетней Наташей в зал, где сидят его любимые родители. Он видит себя юным Николаем, которого все обожают. А на месте графини представляет свою бабушку Лёлю. Ему кажется, что он даже слышит заразительный смех Наташи. Состояние безудержного счастья притягивало Глеба к этой сцене, хотелось ощутить на себе хоть часть этой любви, этого родительского обожания, которое он мог только представлять в своём воображении. Глеб в своих мечтах перерождался в Николая, представляя себя общим любимцем семьи, окружённым восторженной любовью сестры Наташи, кузины Сони и брата Пети. Мысленно он переносился с ними в настоящее время, представляя, как гуляет с ними в Летнем саду, катается на речном трамвайчике. Он придумывал неожиданные ситуации и — то вдруг Петя терялся в огромном городе и его надо было искать, то Соню или Наташу похищали бандиты и он,

уже Глеб, спасал их от рук злодеев. А самое главное, он учил их ориентироваться свободно в большом шумном городе в полной темноте, передавая свой опыт.

Но сегодня ощущение счастья, дарующего покой и погружение в сон, не приходило к нему. Хотелось незаметно уйти отсюда, проскользнуть невидимкой сквозь бетонные стены, сбегать по лестнице вниз, вырваться на уличную свободу, услышать городские шорохи и звуки, людские голоса, птичий щебет и собачий лай. Не было там такого одиночества, какое он испытывал в доме своей матери после потери бабушки.

Глеб пытался уснуть, но ничего не получалось. Считал овец, представлял бесчисленные ночные звёзды, но ничего не помогало. Более того, он внезапно остро почувствовал надвигающийся на него непонятный страх. Беспокойство нарастало стремительно, комната будто сжималась, стены сдвигались вокруг него всё плотнее и плотнее, стало тесно и душно. Ему захотелось немедленно выйти из комнаты. Его словно сорвало с места, и он удачно, не натыкаясь на мебель, быстро вышел в коридор.

Глеб замер и стал вслушиваться в отдалённо бубнившие в другой комнате голоса. Он подошёл к двери, изпод неё шёл тошнотворный запах алкогольного перегара вперемешку с луком и чесноком. Глухая ненависть впервые горячей волной ошпарила его и обострила до предела слух.

— Хватит, Нинон, куда он, слепой, от нас денется. Сама сказала, что осталось полгода и он у нас в кармане вместе с бабкиной квартирой. Продашь её — и заживём!

— Ты не понимаешь, чёртов ковбой, я ведь давно отказалась от прав на него как на сына. Скинула его на

бабку после пропажи мужа. А сейчас, сумеем ли мы уговорить его поехать с нами в Америку? Как он решит, так и сложится наша жизнь. Квартира по завещанию от бабки на сыне. Россия непредсказуема, — шипела мать в ярости.

— Да ладно, дашь, как у вас принято, на лапу кому надо, и всё будет о'кей!

— Джудик, миленький, ковбойчик мой ненаглядный, помоги своей лошадке дать на лапу, не пожалеешь. Мы потом раскрутимся, купим тебе новый джип и вообще... — противно захихикала мать.

— А с ним как потом? Мне не нужна на плечах такая гантеля на всю жизнь.

— Что ты, Джудик! В Америке столько пансионатов для инвалидов. Скинем, нет проблем. Лишь бы скорее гражданство оформить. Мы ещё и его инвалидное пособие будем получать.

— Ну ты настоящая ведьма! А меня тоже сдашь, если что?

— Ха-ха-ха! Сдам, если не женишься на мне срочно здесь, в России.

Глеб наконец-то понял, откуда у него возникла такая звериная тревога. Опасность в его родной матери. И не просто так его новое, как сказали врачи, шестое чувство выставляло перед ней непреодолимое препятствие, как перед глухой стеной. Он даже не удивился, он просто окаменел возле двери, подслушивая разговор. Ему даже показалось, что он это уже когда-то слышал, но не про себя, а про кокого-то другого мальчика.

Неожиданно заскрипел диван, послышались шаги босых ног по полу, и Глеб осторожно вернулся в свою комнату. Там он задышал спокойнее. Неизвестность

мучила его сильнее, чем неотвратимая определённая. Он понял, что если бы не бабушкина квартира, подаренная ему, о чём он знал, мать бросила бы его сразу, не прилетая в Россию. Впереди ему светил насильственный отъезд в «американский рай» с пансионатом для инвалидов, суды по попечительству и угроза продажи родного дома.

Глеб почувствовал невыносимое одиночество. Один во всей Вселенной. Только одна молчаливая луна смотрела на него обречённо. Луну он представлял в форме большого, пустого внутри фарфорового шара с гладкой холодной поверхностью. Что делать? Куда идти?

«Надо бежать, срочно бежать. Только бы подальше от этих чужих страшных людей, — застучало в мозгу. — Главное — спрятаться на полгода, выскользнуть из этого вязкого болота лжи, сохранить родной дом и остаться в нём жить.»

Он стал быстро собирать необходимые вещи в свой рюкзак, стараясь не шуметь. Откуда только появилась чёткость в движениях, ясность, что и где лежит, способность неслышно передвигаться по почти незнакомому дому. Он ощущал кожей лица стены и мебель, не натываясь на них, чувствительные пальцы точно определяли нужные ему вещи.

«Так, ключи, документы, банковская карта от бабы Лёли, мобильник, запасная белая трость, тёмные очки, зонт, Машин подарок — валдайский бронзовый колокольчик, тёплые вещи... — перечислял про себя Глеб. — Чуть не забыл — записка для них, чтобы не искали.»

Глеб взял в руки свой блокнот с трафаретом и написал: «Я всё слышал, знаю, зачем вам нужен. Ненавижу вас и ухожу. Навсегда. Не смейте искать, иначе всё рас-

скажу журналистам или суду. Ваш трёп записан на мой диктофон. Убирайтесь в свой американский рай. Глеб». Записку оставил в своей комнате на столе.

«Немного вранья для них не помешает. Как говорила бабушка, с волками жить — по-волчьи выть», — сказал сам себе Глеб и стал шарить рукой по стене рядом с входной дверью, где, как он помнил по бряцающему звуку, должны висеть ключи от этой квартиры, где его держали взаперти.

Он долго возился с незнакомыми замками, обливаясь холодным потом от страха, что его услышат. Дверь поддалась. Глеб вышел на лестницу, запер дверь и выбросил ключи в мусоропровод.

— Пусть теперь посидят взаперти, как я, — прошептал Глеб и вошёл в лифт, удачно распознав кнопки, нажал на спуск.

Как только он вышел на улицу, его охватило небывалое радостное чувство свободы. Он вздохнул полной грудью свежий осенний влажный ветер и засмеялся впервые после похорон бабушки Лёли.

«А она всё равно рядом со мной. Я это чувствую. Бабуля, родная, милая, ты меня жалеешь, поддерживаешь и оберегаешь. Я всё делаю правильно?!» — одновременно проносились в мозгу слова, обращённые к бабушке, и неясные мысли о будущем.

Он не знал, что надо делать, что он сделает через час, минуту, год, но твёрдо чувствовал, что на правильном пути. Глеб уверенно шёл в никуда. Он даже не шёл, а словно летел над тротуаром, ощупывая лёгким прикосновением белой трости поребрик тротуара. Ветер свободы пьянил, дурманил голову, сводил с ума безотчётным небывалым счастьем, в котором жило лёгкое каса-

ние знакомой девичьей руки, Машеньки, друга по несчастью, учившейся вместе с ним в центре реабилитации незрячих.

В тишине ночи он услышал звук быстро приближающегося автомобиля, из его открытых окон гремела музыка — какой-то джазовый концерт. Лёгкое содрогание мостовой подтвердило его догадку.

«Сейчас проголосую, машина остановится, меня подберёт и отвезёт к реабилитационному центру на Джамбула, а там всё знакомо, сориентируюсь», — подумал Глеб и сделал навстречу звуку три шага, выставив вперёд поднятую вверх белую трость... Последнее, что услышал Глеб, был визг тормозов и глухой удар, после чего его подбросило вверх и всё погрузилось в мёртвую тишину, он ничего не слышал и ничего не чувствовал.

Сознание стало возвращаться к Глебу вместе с острой болью в голове и ломотой во всём теле. Он лежал и боялся пошевелиться. Ему страшно было осознать свою неподвижность, страшно было даже попытаться проверить, целы ли руки и ноги.

«А что, если... Тогда, как потом...» — крутились в голове Глеба отчаянные вопросы.

Он осторожно стал двигать сначала руками, потом ногами. Стал ощупывать руками тело, боясь наткнуться на кровавые открытые липкие раны. Всё обошлось. Тело ныло, как после тяжёлых физических нагрузок. Так же у него болели мышцы во время сильного гриппа, будто всё тело избили до синяков. Вокруг ни души. Весёлые автомобилисты-джазисты, видимо, от страха, что убили человека, рванули подальше от места преступления. Исчезли бесследно.

«Нет, что-то они оставили, у куртки появился какой-то незнакомый запах. Что бы это могло быть? — подумал Глеб и вытащил из-под куртки мешочек, похожий на женскую косметичку. Он потянул за молнию и нащупал три свёрнутых бумажных рулончика, похожих на широкие ленты серпантина. — Да это деньги в рулончиках. Так сворачивают деньги криминал, — вспомнил Глеб из прочитанного детектива. — Совестьливый попался криминал, ехал, видно, с удачно провёрнутой сделки, с наваром. Пожалел слепца, кинул на грудь для успокоения. Или перед своей избранницей решил покрасоваться, — подумал Глеб. — Ну что ж, хотя бы так, и то неплохо. Лишь бы встать на ноги. Хорошо бы отползти в сторону, найти трость и до утра где-нибудь отсидеться.»

Кое-как, с трудом он встал на ноги. Он понял, что рюкзак самортизировал его падение. Кружилась голова, его подташнивало и покачивало из стороны в сторону. Тёмные очки слетели, поранив лицо. Нащупывались болезненные шишки на голове, скорее всего, были и синяки на лице. Трость искать было бесполезно, наверняка сломалась. Но была запасная в рюкзаке.

«Теперь надо прижаться к стене дома, подальше отойти от дороги и присесть,» — мелькнуло в голове.

Расставив руки, зажмурив глаза от боли, он пошёл в ту сторону, где ощущал кожей лица преграду, спасительную стену. Ощупав шершавую стену дома, стал искать ступеньку, выступ или широкий карниз низкого окна. Нашёл карниз, успокоился и присел, сняв рюкзак, чтобы вытащить запасную белую трость. В рюкзаке нащупал свою вязаную спортивную шапочку. Натянул на голову. Не хотелось шевелиться. К боли привык, что-то внутри

него отпустило, разгладило и наполнило покоем, который погрузил его в сон до самого раннего утра.

С наступлением рассвета он вздрогнул, услышав нарастающие городские шумы. Словно сбрасывая сонливость, провёл руками по лицу и открыл глаза. Перед глазами плавали серые расплывчатые непонятные фигуры.

«Давно я не видел фантазии наяву,» — подумал Глеб, явственно ощущая головную боль и ломоту в теле.

Но что-то в этом мире изменилось. Он вздрогнул от неожиданности. До него стало доходить, что он видит воочию расплывчатый мир в сером цвете. Сердце бешено забилося. Он не видел чётко предметы и не различал цвета. Всё вокруг него казалось серым, но это серое имело множество оттенков. Одни предметы или их части казались ему более тёмными, другие — более светлыми.

Глеб стал изучать свой рюкзак, трость, невольно сравнивал оттенки вещей с более светлым горизонтом. Он встал, раскрыл трость и медленно пошёл по улице, видя перед собой на несколько метров панель в виде однообразной серой полосы. Полоса эта была ограничена более тёмной полосой со стороны поребрика и тоже серой, но иного характера, неровной серой полосой полотна улицы. Он пошёл более уверенно по этой серой полосе до тех пор, пока на ней не встретилось что-то окрашенное в более густой серый или даже чёрный цвет. Тогда он остановился и задумался, что бы это могло быть — камень, яма или просто тень, отброшенная другим предметом, или даже след от лужи. Из-за неглубокой, но довольно большой выбоины на асфальте, окрашенной в чёрный цвет, Глеб споткнулся и упал. Второй раз он упал, запнувшись за выступ, который принял за тень от столба, и шагнул, не подняв ноги. Если на дороге падала сплошная тень от домов, он не мог различать дороги,

тогда он шёл осторожно, надеясь на свою белую трость, как и раньше. Непривычнее и тяжелее было идти по пространству, где свет и тени постоянно чередовались. Вспомнил: кто-то говорил, что собаки не различают цвета и видят мир в серых тонах. «Может, я стал собакой, но зрячей?! — с иронией подумал про себя Глеб. — Так же иду, опустив голову вниз, почти нюхая асфальт, только хвоста нет». Внутри него всё дрожало от волнения и непонимания своего нового состояния.

Он быстро набирался опыта, боясь потерять пришедшее к нему странное зрение и этот мир, окрашенный в драгоценные серо-жемчужные тона. Глеб заметил, что чувство ощущения препятствия возникало только тогда, когда он плотно закрывал глаза.

Глебу подсказали, как дойти до ближайшей станции метро. Разговаривая с людьми, он иногда закрывал глаза, чтобы определить для себя своим особым зрением, хороший ли это человек, правду ли говорит. Результаты были разные. Неожиданно прорезавшееся зрение частично приглушало острый слух, отвлекало от внутренней собранности.

Далёкие детские воспоминания воскрешали в его памяти яркие лица, светящиеся добротой и любовью. Мир вначале его жизни был полон радужных цветов. Потом наступила полная мгла, к которой он мучительно привыкал, мечтая лишь о цветных снах. Сейчас мир вернулся к нему в своём третьем обличье — в серой пелене туманов и призрачных теней. Но он был счастлив такому неожиданному прозрению, дорожил этим тусклым светом, с жадностью вбирая в себя его скупые цвета.

Глебу казалось, что его яркий и цветной мир, который жил в его воображении, тоже заболел, почернел и поник. Лица людей ранним утром при приближении были раз-

мыты, тусклы и покрыты серой дымкой. Ему казалось, что он видит сон, какой-то грустный сон, в котором хотелось плакать то ли от горького счастья, то ли от светлой печали. После прозрения он открыл мир без красок, без искренности, без света и добра. Люди, как в кишашем муравейнике, мчались по своим тропам с чёрным грузом в руках и в сердце. Люди стали серой массой, с серыми лицами. Всё стало выглядеть печальнее, хуже, чем в полной темноте, которая дарила спасительные иллюзии.

Нашлись добрые люди, которые подвели его к метро, другие посадили в вагон, сочувствуя его синякам на лице. Плотная монолитная масса серых молчаливых лиц качивалась в такт мчавшегося по рельсам вагона. Люди были погружены в себя, в свои проблемы, в предчувствия, мечты и тревоги. Так он доехал до нужной станции, откуда хорошо знал дорогу до реабилитационного центра, а от него и до Витебского вокзала.

После пережитых волнений ему был нужен только один человек — Машенька. Тотально слепая девушка после трагической гибели родителей в автокатастрофе жила со своей доброй болезненной бабушкой в Шушарах на улице Вишерской. Несколько раз Глеб с бабушкой Лёлей приезжали к ним на дни рождения Маши, и они оба очень радовались этим встречам. Только там, он чувствовал, есть для него приют, чтобы переждать злосчастные полгода, вступить в права на квартиру и начать новую жизнь, обязательно с Машенькой и её бабушкой в его доме.

На Витебском вокзале он купил билет. Ему помогли сесть в электричку. Маршрут был известен. Они с Машей даже когда-то выучили координаты её дома в Шу-

шарах — 59 градусов, 48 минут, 23 секунды северной широты и 30 градусов, 22 минуты, 26 секунд восточной долготы. Мечтали о том, что когда-нибудь будет и у слепых говорящий компас, и они пойдут самостоятельно в поход. Дорогу к дому Маши он выучил ещё с бабушкой Лёлей.

В вагоне Глеб нащупал в рюкзаке Машин валдайский колокольчик, закрыл глаза и погрузился в свои фантазии, представляя себя Николаем Ростовым. Вот он возвращается домой в отпуск. Весь горит от нетерпения увидеть наконец бабушку Лёлю, всех своих любимых родных. Он скидывает шубу на руки лакея, обликом и голосом похожего на охранника из реабилитационного центра, и неслышно вбегает в большую тёмную залу, чтобы неожиданно предстать перед родными. Зала превращается в одну из комнат в их квартире. Когда он читал это место в романе, у него замирало сердце от счастья. И на него так же стремительно вылетали из всех дверей с восторженными криками и слезами радости его родные. И он не мог сразу разобрать, где папа, которого он не знал и о котором тосковал, где любимая учительница Лера Михайловна, где Машенька, где её бабуля, где Вера Игнатьевна, обожаемый врач. В ноги тыкался Машенькин пёс-поводырь Булька, пытающийся подпрыгнуть и лизнуть в лицо. Самая большая радость была в соседней комнате, где его ожидала бабушка Лёля, как старая графиня Ростова. Все столпились вокруг Глеба и бабушки, которая не выпускала его руки, точно как в романе, как и бывало с бабушкой Лёлей в жизни.

Глеб не заметил, как по его лицу полились слёзы, так хотелось ему пережить такое счастье в реальной жизни. Кто-то тронул его за руку.

— Юноша, вам плохо? Куда вы едете? — спросил чей-то старческий сочувствующий голос.

Глеб открыл глаза и увидел перед собой контуры склонившегося лица в белом ореоле. «Наверное, старик совсем седой», — подумал он и ответил:

— Мне в Шушары надо, со мной всё в порядке, просто сон увидел очень хороший.

— А-а-а! Со мной так часто бывает — от радости плачу во сне и наяву. Так, сынок, готовься, подъезжаешь уже, — сказал старик и тяжело вздохнул. — И как ты один справляешься, ума не приложу. Молодец!

Выйдя из вагона, Глеб вдохнул чистый свежий воздух, сильно отличавшийся от петербургского. Под ногами шуршали осенние листья, которые они любили собирать с бабушкой и ставить дома в вазу. Ему нравилось изучать их форму, плотность, чувствовать все их тоненькие прожилочки и черенки.

Серый мир светлел на глазах. Тени становились чернее. Яснее определялись вблизи предметы. Чтобы вспомнить путь на Вишерскую улицу, он остановился, закрыл глаза и сосредоточился, вспоминая, как они с бабушкой приезжали к Маше на дни её рождения. Затем, держа трость, уверенно пошёл в нужном направлении. Память в темноте срабатывала лучше, чем при свете.

Дойдя до небольшого дома, он зашёл за него со стороны подъездов и растерялся. Забыл, который подъезд Машин, помнил только про первый этаж. Глеб понял, что надо делать. Он стал ходить вдоль дома и звенеть в Машин валдайский колокольчик. Он знал, что будет вот так звенеть и сигналить хоть всю жизнь, никуда отсюда не уйдёт, будет звенеть, звенеть, звенеть, пока

Машенька его не услышит. На сердце у него было хорошо и покойно.

Через какое-то время, он услышал звук открывающейся двери ближайшего подъезда. Глеб напряг внимание и стал сильнее раскачивать колокольчик. Внезапно на него ринулось какое-то существо, чуть не повалив его на землю, и стало отчаянно лизать его в лицо длинным жарким собачьим языком.

— Булька! Булька, родной пёсик, дружок Булька... Как я рад, — уворачиваясь от собачьих поцелуев, говорил Глеб. Секундой позже к нему прижалось хрупкое девичье тело с такой нежностью, что у Глеба от счастья застрял комок слёз в горле. Маша пробежала своими чуткими пальчиками по его лицу, нащупала на голове шишки и испуганно вскрикнула.

— Машенька, Маша, родная, вот я и пришёл. Ты же раздета, замёрзнешь, — шептал Глеб, нежно глядя голову Маши и удивляясь вдруг возникшим перед глазами проблескам ярких цветов осени. На одну лишь секунду он вновь представил себя Николаем Ростовым, но близкое присутствие Маши вернуло его к реальности, и он сказал, чуть повысив голос: — Маша, я отвечаю тебе своей честью, что ни один человек не посмеет обидеть тебя, если ты мне только позволишь быть рядом с тобой. Навсегда.

Маша лишь бормотала, что звонили из Центра на Джамбула, что она оборвала телефон, звонила ему домой, что всё знает и боится, что его увезут в Америку.

— Господи, какое счастье, Глебушка нашёлся, — причитала со слезами подоспевшая Машина бабушка — Быстро в дом всем. Как раз к блинам подоспел, родненький.

— А я к вам навсегда. Можно?

...Солнце выглянуло из-за туч, ветер поднял разноцветные осенние листья и осыпал ими маленькую сплочённую группку из трёх обнявшихся людей и собаки, окропив их благословенным золотым дождём, словно манной небесной, ожидаемой людьми веками.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ

«Школьный вестник» № 6, 2012 год.

Виктор Першин

ТАК РАСПОЛОЖИЛИСЬ ЗВЁЗДЫ

Нет в кроне дерева ни одного случайного листа. Его рождение на свет предопределено и подготовлено колоссальной работой почки, ветви, ствола, корней...

История жизни князя Дионисия Михайловича Оболенского, создателя первой русской брайлевской азбуки, давно интересовала меня.

Но сначала — о корнях.

Русская летопись сообщает, что ильменские славяне позвали норманнского вождя Рюрика с братьями Синесом и Трувором княжить в Новгород. Было ли правдивым перо летописца или же оно изменило яви под давлением обстоятельств, теперь едва ли когда-нибудь придётся узнать. Скорее всего, похвальбы купцов о несметных богатствах новгородцев и побудили норманнов переплыть Балтийское море и ступить на землю русичей. Так оно было тогда или нет, о том историки спорили, спорят и ещё спорить будут.

Но споры спорами, а Рюрик с дружиной, немало пограбив ильменских славян, пошёл дальше, в глубь Руси. Воспользовавшись междоусобьем славянских князей, он,

как свидетельствует летописец, в 862 году от Рождества Христова захватил власть в Новгороде и основал свою великокняжескую династию, которая завершилась через семь с половиной веков (1598 г.) с кончиной бездетного царя Феодора Иоанновича, что есть факт исторический.

Другой исторически установленный факт, засвидетельствованный русской летописью, сообщает нам, что князь Михаил Всеволодич — прямой потомок Рюрика — стал князем Черниговским после гибели Мстислава Черниговского на Калке в 1223 году, отчего и был прозван Князем Михаилом Черниговским. Фамилий в те поры за ненадобностью ещё не знали, обходились именами и прозвищами, которых хватало на всех.

Князь Михаил Черниговский с 1236 по 1243 годы три раза овладевал княжеским престолом в Киеве. Он был убит в Золотой Орде в 1246 году. Русская православная церковь канонизировала его и причислила к лику святых.

«Бархатная книга», известная также под названием «Родословная книга, собранная и сочинённая в разряде при царе Феодоре Алексеиче и по временам дополняемая», свидетельствует, что князь Михаил Всеволодич Черниговский является родоначальником разветвлённого рода князей Оболенских, насчитывающих ныне более 160 ответвлений, что подтверждается более поздними и современными генеалогическими Родословиями*.

Солидные историки, авторы княжских и дворянских родословий — князь Пётр Долгоруков, Леонид Савёлов,

*Плешко Н.Д. Князья Оболенские. Родословия. — Нью-Йорк, 1955. Плешко Н.Д. Князья Оболенские. Родословия. Дополнения. — Париж, 1976.

Николай Плешко, Григорий Власьев и другие, составляя Родословия по обычаям своей строгой деятельности, беспристрастно констатируют порядковый номер колена, фамилию, имя и отчество, даты и места рождения и упокоения, сколько раз и на ком женился, число детей мужского и женского пола и т. п. Генеалогию родословий как науку не интересуют ни характер личности, ни наличие за ним заслуг и сколько-нибудь заметных общественных деяний.

Для меня же, как литератора, напротив, всё начинается с фактов жизни, определяющих характер личности, судьбы человеческой. В розысках этих фактов пришлось нам с женой поглотить архивной пыли. Поводом к розыску фактов из истории жизни князя Дионисия Михайловича Оболенского послужил небольшой рассказ А.П. Белорукова*.

И в царской России, и в бывшем СССР, и в России нынешней отсутствовала, да и отсутствует до сих пор, единая система архивов. Отсутствует, к великому сожалению, компьютерный центр информации о содержании архивных хранений. Архивные материалы по одной и той же теме разбросаны по разным городам, по бесчисленному множеству ведомств, библиотекам и музеям. И если бы не библиографические отделы библиотек, как правило — хорошие, историей не стоило бы и заниматься.

Пришлось воспользоваться заказами на библиографические справки, заказами по межбиблиотечному абонементу Российской государственной библиотеки слепых с другими библиотеками, посидеть в читальных залах.

* Белоруков А.П. Путиами веков. — М., 1943, кн. 3, с. 474 — 482.

Растворились перед нами и массивные двери Дворянского собрания России. Здесь-то, в отделе герольдии, при помощи Сергея Алексеевича Сапожникова и доктора физико-математических наук Глеба Константиновича Михайлова, признанного специалиста по родословию князей Оболенских, отыскиались биографические сведения о семье московских Оболенских.

1 июня 1844 года в семье надворного советника и губернского секретаря Московского почтового ведомства князя Михайло Андреича Оболенского родился сын-первенец и наследник в тридцатом колене одного из древнейших княжеских родов России, крещённый Дионисием. Сам князь Михайло Андреич тоже был старшим сыном и наследником рода в двадцать девятом колене. И как только жена его Аделаида Петровна оказалась в состоянии делать визиты, мальчика по стародавней семейной традиции представили деду, князю Андрею Петровичу, и бабушке, княгине Софье Павловне, в девичестве княжне Гагариной.

Князя Андрея Петровича, тайного советника и попечителя Московского учебного округа, хорошо знала и чтит вся столица. Прославился он тем, что блестяще организовал исполнение повеления Императора Александра I, Благословенного. В разграбленной наполеоновским воинством, лежавшей в руинах Москве, он, по особому поручению императора, занялся восстановлением Московского университета, Кадетского училища, гимназий и других учебных заведений. По воспоминаниям современников, был он начальником строгим и требовательным, но и справедливым, а человеком добрым и демократичным. В немалой его семье (пять сыновей и четыре до-

чери) правили бал честь, любовь и православная вера.

Рождение в столь родовитой, богатой и близкой ко Двору семье гарантировало княжичу Дионисию блестящую будущность и выбор карьеры по вкусу: придворную, конногвардейскую или чиновничью. Но судьба присудила совсем иное.

В шесть лет, вскоре после кончины любимого деда, он заболел и ослеп. Лучшие московские врачи оказались бессильны помочь ему.

Согласно учению начальной астрологии, для человека, родившегося под зодиакальным знаком Рака, характерны слабое здоровье, обострённая нервная возбудимость, повышенная эмоциональность, решительность и упорство. При этом принципиальной психологической установкой человека-Рака на жизнь служит стремление при столкновении со сложными проблемами или противодействующими людьми не переделывать окружающий мир, не навязывать свою волю всем во что бы то ни стало, но, напротив, по собственному желанию и разумению переделать самого себя под среду обитания, искать способы возможного взаимодействия с людьми. Кстати, астральный прогноз на жизнь Дионисия Михайловича в основном оправдался.

Ребёнок рос живым, нервным и болезненным, умным, любознательным и эмоциональным. К нему, как водилось, приставили гувернёра-француза. Дома говорили и читали на русском и французском, так что с обоими языками проблем у него не было, и в дальнейшем эти знания ему весьма пригодились.

«Я вырос в понятиях слепца, — делился он своими воспоминаниями о детстве с читателями журнала «Слепец», когда ему было уже за 70, — но никогда не сожа-

лел о том, что не вижу». И далее расшифровывал, что он имеет в виду под «понятиями слепца»:

«Угнетало меня лишь сознание, готов сказать, чувство высокомерной жалости, с которым взирали на меня родственники и близкие знакомые, а также полная моя зависимость от окружающих меня».

Летом 1858 года он вместе со своим гувернёром отправляется подлечиться на водах в Германию, посоветоваться с глазными врачами. Переезжая с курорта на курорт, он тренирует навыки речи и языкового мышления на немецком языке, интересуется достопримечательностями городов и укладом быта их жителей. Посещает картинные галереи и музеи, подробно расспрашивая их служителей. Его интересуется всё подряд. Ощупывая камни стен готических храмов и замков, стволы и листья незнакомых деревьев, скульптуры и коллекции рыцарского оружия, слушая описания композиций картин и природных ландшафтов, он изо всех сил старался освободиться от чувства угнетения, налагаемого слепотой.

Они добрались до Швейцарии, до прекрасной Лозанны, и как-то, возвращаясь с прогулки по Женевскому озеру, совершенно случайно обнаружили и прочли вывеску: «Училище и приют слепых». Несмотря на утомление, решили зайти.

То было первое учебное заведение для слепых, с которым юный князь ознакомился подробно, ничего не пропуская. Долго расспрашивал учителя, вызвавшегося показать, чему и как учат здесь воспитанников. Он осматривал классы и спальни, рельефные карты и счётный прибор Саундерсона для занятий арифметикой и геометрией, книги, напечатанные линейно-рельефным шрифтом, ремесленные изделия и образцы рукоделия,

выполненные руками слепых детей. Но глубже всего поразил его и запал ему в память слепоглухой юноша, которого они застали за работой на токарном станке. Тот вытачивал балясник для решётчатой спинки стула.

«Мы завели с ним разговор с помощью одного из учителей, объяснявшегося с ним какими-то особыми осязательными знаками, — рассказал в журнале князь Дионисий. — Мы узнали, что он совершенно глух и слеп, не видит даже солнечных лучей. И с этого дня я стал мечтать заняться токарной работой. Но родители мои воспротивились этому желанию».

Противоречить родителям он не стал, а мечту сберегал до поры.

Случай свёл г-на Рупа, студента Гейдельбергского университета, приехавшего в Москву по каким-то делам, с князем Михаилом Андреевичем. Князь пригласил его давать уроки сыну. Дионисий и Отто Руп сразу понравились друг другу и подружились. Студент занимался с ним немецкой грамматикой, математикой, историей и географией. Дионисий после посещения лозаннского училища уже имел некоторое представление о способах обучения слепых. Он предложил обзавестись учебными пособиями из Германии. Что-то слышал об институте слепых в Гейдельберге и Руп. Просмотрев объявления в немецких газетах, он первым делом выписал из Берлина прибор для плоского письма по Гебольду, немецкие книги, напечатанные линейно-рельефным шрифтом Гаюи, рельефные карты по истории и географии. Однако приятное в жизни слишком часто заканчивается прежде, чем успевает надоесть. Руп управился со своими делами, и они были вынуждены расстаться. Горевали

оба. Пообещав писать друг другу, они действительно стали переписываться.

В день именин, когда юноше исполнилось 15 лет, пришло известие о том, что князь Дионисий Михайлович Оболенский зачислен в штат пажей Высочайшего двора Его Величества государя императора Александра II. Было приятно и радостно — о нём не забыли. А через несколько дней пришло Высочайшее разрешение князю Михаиле Андреевичу с семьёй на поездку за границу. Разрешения ждали, к этой поездке готовились, так что времени на сборы почти не тратили. Собрались быстро.

Сначала в Баден, а на осень и зиму — в Гейдельберг, к другу Отто. Встреча их не обманула радостями. Руп уже договорился о разрешении юному князю посещать вольнослушателем курс юридических наук в Гейдельбергском университете.

«В том же пансионе, где зимовали мои родители, — рассказывал Дионисий Михайлович, — жила старушка-англичанка миссис Сперлинг, сын которой, уже умерший, был слепым. В память сына она и две её дочери обратили на меня особое внимание.

Познакомившись поближе с семейством этой доброй старушки, я впервые услышал о рельефно-точечном шрифте Брайля. Миссис Сперлинг выписала для меня из Парижа прибор Брайля, усовершенствованный и изготовленный в металле директором Парижского института слепых месье Вагнером, с буквами латинского алфавита на правом краю верхней крышки, и французский букварь. Дочери её стали учить меня чтению и письму по системе Брайля на французском, немецком и английском языках.

Позднее, а именно в 1861 году освоившись вполне со шрифтом Брайля на трёх иностранных языках, я возвратился с родителями в Россию и почувствовал вдруг неотвратимую потребность составить себе грамотку на родном языке. При составлении мною русской азбуки я руководствовался сходством созвучий иностранных букв с нашими русскими».

Для своей грамотки, первой русской брайлевской азбуки, юноша по наитию выбрал французский рельефно-точечный алфавит Луи Брайля — по созвучиям он близок к русскому, и вовсе не случайно в двадцати буквах русского алфавита, близких по звучаниям к французским, Дионисий вполне сознательно предпочёл не менять даже комбинации рельефных точек, придуманных великим французом. Оставалось полдела — придумать новые комбинации точек ещё для 14 букв русской азбуки.

Так родился первый вариант русского брайля — брайля Дионисия Оболенского. Причём его вариант лишь в мелочах, пожалуй, отличается от того, каким мы пользуемся сегодня, хотя сам автор этого изобретения и не подозревал, что сделал немаловажное открытие, опередив создателей национальной брайлевской письменности слепых в Германии и России на 20 лет.

Не посчитал он нужным менять и места точек в комбинациях цифр и знаков препинания, предложенных Луи Брайлем.

Проштудировав систему Брайля, осмыслив законы брайлевского шеститочия и особенности тактильно-двигательного и психологического восприятия рельефно-точечных комбинаций букв французского алфавита, Дионисий Михайлович и в своей русской грамотке вполне сознательно последовал принципу, согласно которому

для удобства письма и чтения буквы должны по возможности формироваться из наименьшего числа точек, ибо при наименьшем количестве точек буквы, а стало быть, и слова распознаются легче и читаются быстрее.

Кстати, свою русскую грамотку он разрабатывал почти в том же возрасте, что и сам Луи Брайль. Обладая, несомненно, врождённым чутьём к иностранным языкам и способностями к языковому мышлению, он, следуя логике 16-летнего Брайля, открытие шеститочия воспринял глубоко, всем нутром. Это, безусловно, помогло ему не ошибиться, «попасть в десятку», когда ему самому приспело изобретать собственные точечные комбинации для обозначения недостающих букв русской грамотки, отличающихся по звучанию от французских. Отсюда в его русской грамотке — 6 двухточечных комбинаций и только три пятиточечных, а остальные трёх- и четырёхточечные.

В наши дни доктор филологических наук М.Н. Зубков доказал путём применения современной технологии, что именно трёх- и четырёхточечные комбинации букв русского алфавита распознаются при чтении быстрее прочих.

Покончив с разработкой своей русской грамотки, Дионисий тут же применил её на деле. Ещё в Гейдельберге он узнал из газет о крестьянской реформе императора Александра II в России. Дослушав двухгодичный курс юридических наук в Гейдельбергском университете, он заспешил на родину. Вернувшись домой, он садится за изучение документов реформы, русским брайлем переписывает под диктовку новое Уложение о крестьянстве от 19 февраля 1861 года. Вникает в «Местное право о крепостных крестьянах, вышедших из-под зависимости», делает выписки из статистических сборников, опубликованных губернскими управлениями Самары и Ярос-

лавля, где располагались его наследные поместья. Выписывает и конспектирует нововышедшие руководства по рациональному ведению сельского хозяйства, подробно расспрашивает управляющих имениями, встречается с предводителями уездного дворянства и соседями. Как-никак наследные угодья: 3824 десятины в Ярославской губернии и 3524 десятины в Бугульминском уезде Самарской губернии — заботы немалые. Но, полный уверенной энергии, он строил планы пореформенного переустройства хозяйства. Перечитывая накопившиеся записи, пачку листов достаточно пухлую, он пришёл к выводу, что переписывание слов полностью занимает слишком много времени и отнимает слишком много сил, и изобрёл первую русскую брайлевскую краткопись. Она, к сожалению, до нас не дошла.

Теперь большую часть весеннего времени он почти безвыездно проводил в деревне, и дела его шли неплохо. С детства постоянно водимый за ручку — как бы не споткнулся, как бы не упал, не ушибся! — теперь, в кипучей суете забот, требовавших самостоятельных решений, юноша быстро возмужал, затвердел характером.

Между дел он решил предпринять попытку осуществить свою мечту, что родилась ещё в Лозанне. Познакомился с немцем-токарем, порасспросил его о том, где бы приобрести чертежи токарного станка по дереву, мало-помалу разговорил старика и, подготовив почву, попросил старого токаря стать его учителем.

«После долгих колебаний немец согласился давать уроки за рубль в час. На третьем уроке я порезал палец. Немец в отчаянии замахал руками и объявил, что и за сто рублей в час не возьмётся дальше учить меня. Но трёх этих уроков мне оказалось вполне достаточно. Я вполне понял устройство станка и употребление основ-

ных токарных инструментов», — писал Д.М. Оболенский в статье «О токарных работах слепых».

Палец, понятно, забинтовали, но ранению этому было суждено сыграть примечательную роль. На званом обеде у князей Гагариных, родственников по матери, одна из многочисленных кузин представила его своей подружке Сашеньке. Александра Михайловна Анненкова, дочь капитана второго ранга, воспитанница Института благородных девиц, произвела на молодого князя глубокое впечатление. На тревожный вопрос мелодичного голоса, что у него с рукой, рассказал, улыбаясь, о старике-немце, о слепоглухом юноше-токаре из училища слепых в Лозанне, о своей мечте овладеть токарным искусством. Она же смотрела на него круглыми от удивления глазами.

Дионисий стал искать новых встреч с девушкой, преодолевая порождённую слепотой стеснительность. Впрочем, справедливости ради отметим, что стеснительность нередко бывает свойственна и зрячим молодым людям... Молодой князь покупал ложу в театр или в концерт. Собрав волю в кулак, принимал приглашения на званые обеды и балы, где она тоже должна была быть. Словом, вёл нелёгкий для него светский образ жизни. В деревне-то всё проще, привычнее и без лишних нервных затрат. Но, видимо, пора пришла, не зря же говорится: охота пуще неволи.

Посоветовавшись с родителями, он сделал официальное предложение Александре Михайловне, получил её согласие и благословение родителей обеих сторон.

Венчание, по просьбе молодых, прошло совсем скромно, без принятого свадебного размаха.

Окончание в следующем номере

ПРОБА ПЕРА

Даниил Хачатуров

*Ученик 6 класса Самарской школы
для незрячих детей*

ОБЛАКА

Спросил я друга, чудака:
— Какого цвета облака?
Скажи, куда они плывут,
И почему они ревут?

— Ой, цвета неба облака,
Порой — парного молока,
Бывают чёрные — аж жуть,
Бывают алые чуть-чуть...

Плывут они в далёкий край
И знают, что такое рай!
И грустно облакам слегка,
Что ты не видишь облака.

ФАНТАЗИЯ

Пусть не был никогда в Европе я,
Возможно, не поеду в Азию.
Но есть внутри меня страна —
Моя необычайная фантазия!!!

Закрыв глаза, и вот передо мной
Красивая девчонка в сари,
Звеня волшебною гунгрой,
Танцует танец катокалли!

А вот огромная Китайская стена —
Как змей гигантский, к небу тянется она.
И песнь венецианской баркаролы
Поёт прекрасный парень из гондолы.

И в серый час, когда взгрустнётся мне,
Придёт моя фантазия ко мне,
И вместе с ней я к звёздам устремлюсь
И в мир подводный, словно рыба, погружусь.

Могу я с ней по Марсу побродить
И шар земной на пальце раскрутить!
И не коснётся грусть, печаль меня,
Пока со мной фантазия моя!

Григорий Ахтиманкин

*Ученик 3 класса ГБОУ «Школа № 1499
имени героя Советского Союза И. А. Докукина»*

КОТ-БИБЛИОТЕКАРЬ

В библиотеке
Работает кот.
Приходят к нему
Посетители —
Коты-книголюбители.

Книги берут —
Берегут, не рвут:
Повести, сказки, романы
Для братика,
Бабушки, мамы.

Много книг в библиотеке,
Всё найдёшь по картотеке!

Маша Адзелу

*Ученица 2 класса Челябинской
школы № 127*

ХВАСТЛИВЫЙ ЗАЙКА

Жил-был заяц. Заяц как заяц, только любил длинноухий похвастаться. Он считал, что у него самая красивая и пушистая шубка, самые быстрые и ловкие лапки. И во всех отношениях он самый-самый. До того зазнался глупышка, что ни с кем не хотел дружить.

Однажды на собрании лесных жителей стал зайчишка хвастать, что он самый смелый и никого не боится, поэтому он главный заяц в лесу. Любой на его месте постеснялся бы так себя вести, но только не наш хвастун.

Самый старый и мудрый заяц поправил очки, постучал недовольно тростью по пню, но спорить с зазнайкой не стал. Раньше, когда заяц что-то подобное заявлял, на его слова не обращали никакого внимания, но дальше терпеть такое поведение было нельзя.

В один прекрасный день выбрался зайчишка из своей норки и видит, что дорогу ему перегородил огромный

волк. Поджал заяка хвост, лапки затряслись. От страха ни вдохнуть, ни выдохнуть не может. И домой вернуться не может: загородил ему серый дорогу. Опомнился длинноухий — и наутёк. Долго бежал. Сам не заметил, как в густой чаще оказался.

Только через несколько дней смог зайчишка найти дорогу домой. Тут и выяснилось, что волк-то был не настоящий. Это несколько зайчат решили проучить хвастунишку и нарисовали волка на большой картонке, найденной в лесу.

Стыдно стало зайке. И говорят, что этот урок так на него подействовал, что с тех пор он больше никогда не хвастался.

Аракчеева Диана, Дудин Иван

*Ученики 4 класса Челябинской
школы № 127*

ЗАБЫТАЯ ПАРТА

В одном обычном классе жила-была парта. Она очень любила, когда за ней сидели аккуратные ученики. И очень расстраивалась, когда по ней стучали кулаками, рисовали ручкой или скребли острыми предметами. А ещё ей очень не нравилось, когда её пачкали пластилином или клеем. Если парту мыли, то она сразу начинала блестеть и радоваться.

Как-то в конце учебного года её забыли вымыть. Парта осталась грязной и покрылась толстым слоем пыли. Всё лето она грустила и обижалась на то, что про неё никто не вспомнил.

В следующем учебном году пришли ребята и положили свои учебные принадлежности на парты. Тут наша парта покачнулась, и карандаши и ручки упали на пол.

Ручки и карандаши подняли и положили на парту, но они опять скатились с неё. Это очень удивило ребят. Почему же ручки и карандаши скатываются?

Внимательно посмотрев, ребята заметили, что парта грязная и пыльная. Парту сразу вымыли, и она опять заблестела и перестала обижаться. А ручки и карандаши больше не падали.

Так парта начала новый учебный год.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Алексей Боровиков

* * *

Словно гроздь винограда,
То сладка, то горька.
Дней ушедших бровада,
И любовь, что была.
И вороньими стали
Два фантома-крыла,
Сердце сковано сталью:
Пустяки, ерунда.
Но а время, как речка,
Всё бежит да бежит.
Мне б познать бесконечность,
Ведь так хочется жить.

* * *

Был прежде друг, но ныне враг.
Да, в жизни всякое бывает,
И лишь вопроса чёткий знак
Всё так же душу мне терзает.
Вино — как ночь, ночь — как вино,
Всё льётся в вымытом бокале.
Кино — как жизнь, жизнь — как кино,
Где мы с тобой с судьбой играли.
Напрасно много говорить,
В словах пусть скроется молчанье.

Зачем страдать? Зачем любить?
К чему пустые обещанья?
Пусть будет так... Так будет пусть...
Навек в душе уснёт тревога.
Я грусти кротко улыбнусь,
Пущусь в привычную дорогу.

* * *

Сегодня первый день зимы,
Кружится снег над городом полночным.
Так далеко до солнечной весны,
Стучится ветер леденящий, склочный.
Вздыхает ночь сизую пургой,
А город спит. В окрест всё так же вьюжит,
Зима украсит окна бахромой,
А за рекой метель свой танец кружит.
А белый снег рассыпан, словно пух.
Пришла зима, одевшись, как царица.
Настала ночь. И золотой пастух
Зашёл в небесную светлицу.
Шатёр из звёзд. Грядёт солнцеворот,
И волшебство в заветный час проснётся,
Тогда очнётся древний небосвод,
На Русов зов Сварог сам отзовется.

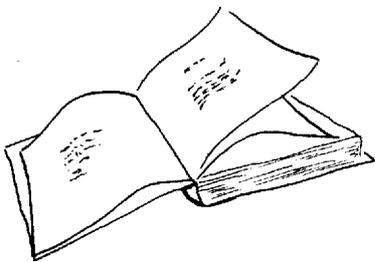
* * *

А мы с тобой — заклятые друзья,
Всё ж лучше, чем надёжные враги.
Вернуть назад тебя уже нельзя,
Но только память, как и прежде, береги.

Мы неразлучны в одиночестве своём,
Едины сердцем, разведены судьбою.
Мы любим и не любим быть вдвоём,
Несчастлив я от счастья жить тобою.
И пусть теснит октябрьская грусть,
А в комнате свечей лишь увяданье.
Я на край света больше не помчусь
И не скажу, прощаясь: «До свидания!»
Горячий чай согреет в эту ночь.
Часы бессонной мухой пролетают.
И две судьбы — им некому помочь,
И две мечты, как свечи, угасают.

АЛЕКСЕЙ ГАНИН

1893 — 1925

Алексей Алексеевич Ганин родился 9 августа 1893 года в деревне Коншино Вологодской губернии в многодетной крестьянской семье. Его отец едва-едва владел грамотой, но, как многие крестьяне, был мастером на все руки. Временами он надолго уходил из дома на заработки. Кроме Алексея в семье росло ещё шестеро детей. Жили небогато, хотя и в достатке.

Любовь к поэзии пробудилась в мальчишке уже к пяти годам. Большую роль в этом сыграла бабушка поэта, рассказывавшая внуку чудные вологодские сказки, мотивы которых перешли затем в его лирику. Когда Алексей подрос и выучился читать, он перебрался в мезонин родительского дома и устроил там библиотеку. Вместе с

братом смастерил полки и укрепил их по стенам от пола до потолка. Где только можно он доставал и покупал книги, особенно сборники стихов. Полки довольно быстро наполнились самой разнообразной литературой — в первую очередь русской классикой.

Алексей учился в трёхклассном земском училище в соседнем селе. Во время учёбы у него случился конфликт со священником, преподававшим Закон Божий, человеком грубым и суровым. Однажды тот строго наказал слабого здоровьем ученика, который вскоре умер. На похоронах Алексей прочитал сочинённое им стихотворение, где прямо обвинил священника в смерти друга. Это не прошло бесследно — Алексея едва не исключили из школы.

В 1911 году Ганин отправился в Вологду и поступил в медицинское училище. В свободное время он много писал. Первые свои стихи он опубликовал в вологодской газете «Эхо». В 1914 году поэт был призван в армию и получил назначение в Николаевский военный госпиталь в Петербурге.

В 1915 году Ганин познакомился с Сергеем Есениным, Николаем Клюевым и Пименом Карповым. Их дружба продлится до самой трагической гибели поэта.

В конце 1916 года по состоянию здоровья Алексей был демобилизован, возвратился в родную деревню и стал работать на волостном фельдшерском пункте. По воспоминаниям односельчан, он в любое время дня и ночи ходил по вызовам, поддерживал семьи, лишившиеся кормильца. Не забывал поэт и крестьянского труда. Работа оставляла мало времени для чтения. Сестра поэта вспоминала: «Писать и читать Алёше часто приходилось лишь в дождливую погоду и ночами, днём

нужны были его рабочие руки отцу». К тому же отец не поощрял увлечение сына литературой, считая это пустой тратой времени. Но у Алексея было иное мнение. Из поездок в Вологду и Петроград он всегда возвращался с книгами. К произведениям классиков русской и мировой литературы добавились труды отечественных и зарубежных философов и экономистов, а тетради наполнялись новыми и новыми стихами.

Февральская революция застала Ганина в Петрограде. Как и его друзья, он сначала приветствовал её, но уже в том же окаянном 1917 году написал потрясающую по своей провидческой силе поэму «Сарай», в которой отразил подлинное существо революции и того ужаса, который должен был последовать за ней. Тем не менее он ещё не потерял надежду на лучшее будущее, и она находила выход в его лирике.

С 1918 года Алексей Ганин вступил в Красную армию, он служил фельдшером в военном госпитале на Северной Двине. Бывший начальник госпиталя А.В. Фалин вспоминал: «Не будет преувеличением сказать, что он работал, не считаясь со временем, не покладая рук. И поэтому заслуженно пользовался большим авторитетом. Среди своих коллег он выделялся общим образованием, известной широтой взглядов. Но то, что он был поэтом, мы узнали не сразу. Хотя замечали, как в редкие свободные минуты отдыха он писал в толстой самодельной тетради. Иногда читал свои стихи и рассказывал о встречах с Есениным. О произведениях Ганина профессионально судить мы, конечно, не могли. Но некоторые стихотворения нам очень нравились. Незаметно для себя скоро стали знать наизусть отдельные строфы и целые стихотворения».

Между тем в стране набирал обороты красный террор. Одновременно большевистская власть пошла в наступление на деревню, разорение которой и кровавые расправы спровоцировали крестьянские восстания, подавленные с беспощадной жестокостью. Не обошло это наступление и литературу. Кампания по отстранению «крестьянских» поэтов и писателей началась в Москве уже в начале 1918 года. Согласно Положению об организации созданного в январе Пролеткульта вся литература должна была находиться «на службе» у рабочего класса. О крестьянстве в Положении не было сказано ни слова, что вызвало недоумение и обиду у группы «крестьянских» поэтов и писателей и в первую очередь, у Сергея Есенина. Он стал одним из авторов «Заявления инициативной группы», которое было направлено в Пролеткульт 5 октября 1918 года. Первым в этой группе был назван Алексей Ганин. В заявлении говорилось:

«Мы, поэты и писатели, вышедшие из крестьянских сёл и деревень, отражающие их внешний и внутренний мир, не можем спокойно примириться с тем обстоятельством, что мы до сей поры остаёмся совершенно в тех же самых условиях, что и во вчерашний буржуазный день, то есть в полной крепостной зависимости от различных частно-издательских фирм, в руках которых и находится подчас судьба почти каждого из нас. (...) Такая ненормальность материальных, а в связи с этим и духовных условий жизни и творчества поэтов, вышедших из крестьянской среды, ставит перед нами неотложную задачу об организации особой крестьянской секции при Московском Пролеткульте».

«Обращение» осталось без ответа, крестьянская секция при московском Пролеткульте не была организована.

В 1920 году Ганин женился. Этому предшествовало долгое и сильное чувство к Зинаиде Райх (жене С. Есенина), оставшееся без ответа. Ей поэт посвятил цикл стихотворений «Русалка». Новой избранницей поэта стала эстонка Гильда. Но брак не был счастливым, и вскоре они расстались.

В 1920 — 1921 годах Ганин самостоятельно издал в Вологде десять своих сборников. Почти все стихотворения из этих небольших кустарно отпечатанных сборников Ганин включил в состав книги «Мешок алмазов». Видный московский литературный критик тех лет Н. Абрамович одним из первых обратил внимание на талант молодого поэта, что стало большим событием в жизни Ганина.

Осенью 1923 года после тяжёлой травмы Ганин переехал в Москву. Жить приходилось впроголодь. Не имея возможности печататься, он работал где придётся, жил на случайные заработки. Сергей Есенин помогал Ганину в публикации его произведений. Болезнь Ганина прогрессировала, но, преодолевая недуг, он продолжал много писать, в том числе и прозу.

Из всех крестьянских поэтов Ганин особенно остро и ясно понял природу большевизма. В начале 1920-х годов с несколькими единомышленниками он создал программу спасения России, где выдвинул идею Великого Земского Собора, воссоздания национального государства и очищения страны от большевизма. Тезисы этой программы каким-то образом оказались в ГПУ, и в ноябре 1924 года чекисты открыли дело «Ордена русских фашистов». 2 ноября 1924 года Ганин был арестован в Москве как руководитель организации. Ордер на арест был подписан самим Генрихом Ягодой. По свидетельству О.Н. Вышеславцевой, накануне Алексей пришёл к

Резвый пляс бирюзовки-стрекозы
завели над прохладой струй.
Сонно грезят лопух и кувшинка,
синий зной ароматен и пьян,
А в лучистых изломах песчинки
будто горсть золотистых семян.
Звонко булькают скрытницы-рыбки,
убегая к корнистому дну,
И плывут водяные улыбки
гибким кругом лучистому дню.
Веще льются кукушкины звоны,
дремлет солнце, припав в тростники.
На лесные купели-затоны
кто-то сыплет с небес васильки.

УТРО

Мое жилище, Землю грешную,
печальный и убогий край,
любовью светлой и нездешнею
я полюбил, как прежний рай.

Одел поля пшеничным золотом,
пчелиным мёдом напоил.
и все преграды лунным молотом
рассыпал в звончатую пыль.

На всех путях, на веки чёрные,
где в медных вихрях шла Гроза,
затеплил свечи чудотворные,
поставил зори-образа.

Мой лук — заутреннюю радугу —
я натянул и луч-стрелу

вонзил глухому зверю в пазуху,
точившему на поле мглу.

И растворилось небо синее.
И от лощин, из-за бугров,
пошли толпами старцы сивые
на горний звон колоколов.

Орлица-мысль, игривей зяблика,
за море в глуби уплыла
и Солнце — золотое яблоко —
в горящем клюве принесла.

* * *

Взманила мечтами дорога.
Шагать по полям и лугам.
На сердце распелась тревога —
К твоим ли приду берегам?

Струится небесное море...
Воздушный глубок океан.
И тонут леса и сугоры*
В засолненный, светлый туман.

Сияют церковные крыши,
Тепла тишина деревень...
Уснула и ласково дышит
Из рощи медовая тень.

*Сугор — холм, пригорок.

На самой меже задремали
Черёмухи в белых мечтах.
И птицы от счастья устали,

Развесивши песни в кустах.
Повсюду любовь и отрада...
И солнце — небесный жених
Овец золоторого стадо
Пасёт на горах золотых...

Рябит колосистое поле,
И молится каждый цветок...
Мне выпала сладкая доля:
Разлиться в предвечный Исток.

* * *

Мне гребень нашептал,
 Что волосы редеют,
Что скоро заблестят, как иней, седины,
И тише за окном,
 На старых сучьях рдея,
Тоскует солнцепёк о радостях Весны.

В холодной синеве природа онемела,
Поднялся белый сон
 Над стынувшим ручьём.
И где-то далеко за рощей прозвенела
Осенняя печаль отлётным журавлём.

По скошенным лугам
 Блуждает жёлтый ветер,

Взмахнёт седым крылом,
 Поплачет у куста —
И роем золотым от сгорбившихся ветел
Взовьётся к облакам
 Засохшая листва.

И чудится Душе, встревоженной мечтами:
 Безглазый лик времён
 Дохнул из прошлых бурь,
Ветлою гнётся жизнь,
 И мчатся дни за днями
Певучей желтизной в предвечную лазурь.

По выцветшим холмам
 В туманном синем поле
И юность, и мечты
 С ватагами страстей
Летят куда-то прочь
 В последней буйной воле
На огненных хребтах
 Взбесившихся коней.

Клубятся в небесах пылающие гривы,
Всё дальше звон копыт,
 Всё дальше красный скач, —
И синяя печаль в природе молчаливей,
И в сердце, как любовь,
 Таится тихий плач.
Бледнеет Солнцепёк,
 Лучом опавший волос
Сквозь гребень проскользнул

С открытого чела,
И где-то за спиной
Понятней шепчет Голос,
Что нет уже Весны и Юность отошла.

* * *

Багряное крыло раскинула заря,
роняя в тучи золотые перья.
Вот так всегда бы, как иду теперь я,
без устали идти, идти без цели, зря...
У мудрых цели нет, у мудрых нет беды.
Мой путь ещё высок. Лицо ещё в играющем румянце.
Пускай к закату склон. Певуче льются с пальцев
в нехоженный песок весёлые следы.
Был страшен долгий век. И вот спокоен час.
Дано мне каждый миг изжить тысячелетья.
Я прожил тридцать лет. О чём ещё жалеть?
Печаль моя нежна, как крик вечерней чайки.
Душе легко. Растаяли года, как едкий чад,
как стон любви докучной.
Из волчьих ям не выпрыгнет беда,
не изгрызёт серебряные будни,
что виснет над рекой туманом голубым...
Пусть снова вороном хлестнётся ночь в поля,
и в добрых снах меня забудут люди.
Мой голос в ветре,
в звёздах слышен будет...
Я в вечность отхожу
с тропинки бытия.

ПОКОС

И я, и солнышко — мой ясноглазый друг —
встаём от сна, улыбочивые, рано...
Разбудим день. Оно возьмёт туманы.
А я — косить цветной широкий луг.
Мужичий гам, румяный бабий говор
полюются вслед с нехоженой тропы...
А впереди: и синь, и косогоры,
ромашки, и росистый смех травы...
И весел труд. Коса остро и звонко
по шёлку трав хрустит до полудня.
И не понять, где песня жаворонка,
там, в синеве, иль в сердце у меня?
А с полудня, когда мой ясный друг
огруживает высоко в стога туман кудрявый,
я ставлю в копны скошенные травы,
я тороплюсь убрать широкий луг.
И целый день, пока не кликнет вечер,
кумачный вихрь гуляет по лугам...
И светел труд. И не устанут плечи
купаться целый день в зелёных облаках.
А ввечеру, когда на бабьи ноги
душистый клевера прильнёт загар,
устанет солнышко. И в золотые стоги,
красивое, уходит на закат...
Уйду и я. И тихий сон по сёлам
сомкнёт глаза, кто радостью ослаб.
И до утра мне снится луг зелёный,
и всё звенит: роса — коса — роса.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Ольга Коляда

АРИФМЕТИКА

Яночку учили арифметике:
Ну, сложи покупочки в пакетике!
Яна с арифметикой дружила —
Всё на стол немедленно сложила!

ЛЕНОЧКА

В чём сегодня Леночка
Собиралась в школу?
В платице с оборочкой,
В колготочках с узором.
В синей-синей юбке.
В кофточке с цветочком.
В сарафане клетчатом.
В платье с поясочком.
Может быть, без бирки?
Может, то, что в стирке?
Скоро от примерок
В платьях будут дырки.
Два урока внучка
Собиралась в школу.
Бабушка в отчаянье
Просит валидолу.
Вот, уроки кончились,
можно погулять.

Леночка замешкалась —
Что же надевать?

ЧТО У НЕГО В КАРМАНЕ?

У ребёнка в кармане
Как в Египте в бархане —
Там закопаны клады,
Там чудесные склады:
И листочки из сада
И растения с грядок,
И обломки фасада —
Это все ему надо.
Камни, скрепки, стекляшки,
Чек, карты, бумажки,
Лепестки от ромашки,
Золоченые бляшки...
И жучки, и букашки,
И кусок деревяшки,
А зимою — ледяшки.
И кармашки не тяжки!

Карел Чапек

ПОЧТАРСКАЯ СКАЗКА

Ну, скажите на милость: ежели могут быть сказки о всяких человеческих профессиях и ремёслах — о королях, принцах и разбойниках, пастухах, рыцарях и колдунах, вельможах, дровосеках и водяных, — то почему бы не быть сказке о почтальонах? Взять, к примеру, почтовую контору: ведь это прямо

заколдованное место какое-то! Всякие тут тебе надписи: «курить воспрещается», и «собак вводить воспрещается», и пропасть разных грозных предупреждений... Говорю вам: ни у одного волшебника или злодея в конторе столько угроз и запретов не найдёшь. По одному этому уже видно, что почта — место таинственное и опасное. А кто из вас, дети, видел, что творится на почте ночью, когда она заперта? На это стоит посмотреть!.. Один господин Колбаба по фамилии, а по профессии письмоносец, почтальон на самом деле видел и рассказал другим письмоносцам да почтальонам, а те — другим, пока до меня не дошло. А я не такой жадный, чтобы ни с кем не поделиться. Так уж поскорей с плеч долой. Начинаю.

Надоело г-ну Колбабе, письмоносцу и почтальону, почтовое его ремесло: дескать, сколько письмоносцу приходится ходить, бегать, мотаться, спешить, подмётки трепать да каблуки стаптывать; ведь каждый божий день нужно двадцать девять тысяч семьсот тридцать пять шагов сделать, в том числе восемь тысяч двести сорок девять ступеней вверх и вниз пройти, а разносишь всё равно одни только печатные материалы, денежные документы и прочую ерунду, от которой никому никакой радости, да и контора почтовая — место неуютное, невесёлое, где никогда ничего интересного не бывает. Так бранил г-н Колбаба на все лады свою почтовую профессию. Как-то раз сел он на почте возле печки, пригорюнившись, да и заснул, и не заметил, что шесть пробило. Пробило шесть, и разошлись все почтальоны и письмоносцы по домам, заперев почту. И остался г-н Колбаба там взаперти, спит себе.

Вот, ближе к полуночи, просыпается он от какого-то шороха: будто мыши на полу возятся. «Эге, — подумал

г-н Колбаба, — у нас тут мыши, надо бы мышеловку поставить». Только глядит: не мыши это, а здешние конторские домовые. Эдакие маленькие, бородатые человечки, ростом с курочку-бентамку, либо белку, либо кролика дикого или вроде того, а на голове у каждого почтовая фуражка — ни дать ни взять настоящие почтальоны; и накидки на них, как на настоящих письмоносах. «Ишь чертенята!» — подумал г-н Колбаба, а сам ни гугу, губами не пошевелил, чтобы их не спугнуть. Смотрит, один из них письма складывает, которые ему, Колбабе, утром разносить; второй почту разбирает, третий посылки взвешивает и ярлычки на них наклеивает, четвёртый сердится, что, мол, этот ящик не так обвязан, как полагается; пятый сидит у окошка и деньги пересчитывает, как почтовые служащие делают.

— Так я и думал, — ворчит. — Обчёлся этот почтовик на один геллер. Надо поправить.

Шестой домовой, стоя у телеграфного аппарата, телеграмму выстукивает — эдак вот: так так так так так так так так. Но г-н Колбаба понял, что он телеграфирует. Человеческими словами вот что: «Алло, министерство почты? Почтовый домовой номер сто тридцать один. Доношу всё в порядке точка. Коллега эльф Матлафоусек кашляет сказался больным и не вышел работу точка. Перехожу на приём точка».

— Тут письмо в Каннибальское королевство, город Бамболимбонанду, — промолвил седьмой коротыш. — Где это такое?

— Это тракт на Бенешов, — ответил восьмой мужичок с ноготок. — Припиши, коллега: «Каннибальское королевство, железнодорожная станция Нижний Трапезунд, почтовое отделение Кошачий замок. Авиапочта». Ну вот, всё готово. Не перекинуться ли нам, господа, в картишки?

— Отчего же, — ответил первый домовый и отсчитал тридцать два письма. — Вот и карты. Можно начинать.

Второй домовый взял эти письма и стасовал.

— Снимаю, — сказал первый чёртик.

— Ну, сдавай, — промолвил второй.

— Эх, эх! — проворчал третий. — Плохая карта!

— Хожу! — воскликнул четвёртый и шлёпнул письмом по столу.

— Крою, — возразил пятый, кладя новое письмо на то, которое положил первый.

— Слабовато, приятель, — сказал шестой и тоже кинул письмо.

— Шалишь. Покрупней найдётся, — промолвил седьмой.

— А у меня козырной туз! — крикнул восьмой, кидая своё письмо на кучку остальных.

Этого, детки, г-н Колбаба выдержать не мог.

— Позвольте вас спросить, господа карапузики, — вмешался он. — Что это у вас за карты?

— А-а, господин Колбаба! — ответил первый домовый. — Мы вас не хотели будить, но раз уж вы проснулись, садитесь сыграть с нами. Мы играем просто в марьяж.

Господин Колбаба не заставил просить себя дважды и подсел к домовым.

— Вот вам карты, — сказал второй домовый и подал ему несколько писем. — Ходите.

Смотрит г-н Колбаба на те письма, что у него в руках, и говорит:

— Не в обиду будь вам сказано, господа карлики, — нету в руках у меня никаких карт, а одни только недоставленные письма.

— Вот-вот, — ответил третий мужичок с ноготок. — Это и есть наши игральные карты.

— Гм, — промолвил г-н Колбаба. — Вы меня простите, господа, но в игральные карты должны быть самые младшие — семёрки, потом идут восьмёрки, потом девятки и десятки, потом — валеты, дамы, короли и самая старшая карта — туз. А ведь среди этих писем ничего похожего нет!

— Очень ошибаетесь, господин Колбаба, — сказал четвёртый малыш. — Ежели хотите знать, каждое из этих писем имеет большее или меньшее значение, смотря по тому, что в нём написано.

— Самая младшая карта, — объяснил первый карлик, — семёрка, или семитка — это такие письма, в которых кто-нибудь кому-нибудь лжёт или голову морочит.

— Следующая младшая карта — восьмёрка, — подхватил второй карапуз, — такие письма, которые написаны только по долгу или обязанности.

— Третьи карты, постарше — девятки, — подхватил третий сморчок, — это письма, написанные просто из вежливости.

— Первая старшая карта — десятка, — промолвил четвёртый. — Это такие письма, в которых люди сообщают друг другу что-нибудь новое, интересное.

— Вторая крупная карта — валет, или хлап, — сказал пятый. — Это те письма, что пишутся между добрыми друзьями.

— Третья старшая карта — дама, — произнёс шестой. — Такое письмо человек посылает другому, чтобы ему приятное сделать.

— Четвёртая старшая карта — король, — сказал седьмой. — Это такое письмо, в котором выражена любовь.

— А самая старшая карта — туз, — закончил восьмой старичок. — Это такое письмо, когда человек отдаёт другому всё своё сердце. Эта карта все остальные бьёт, над всеми козырится. К вашему сведению, господин Колбаба, это такие письма, которые мать ребёнку своему пишет, либо один человек другому, которого он любит больше жизни.

— Ага, — промолвил г-н Колбаба. — Но в таком случае позвольте спросить: как же вы узнаете, что во всех этих письмах написано? Ежели вы их вскрываете, судари мои, это никуда не годится! Этого, милые, нельзя делать. Разве можно нарушать тайну переписки? Я тогда, негодники вы этакие, в полицию сообщу. Это ведь страшный грех — чужие письма распечатывать!

— Про это, господин Колбаба, нам хорошо известно, — сказал первый домовик. — Да мы, голубчик, ощупью сквозь запечатанный конверт узнаём, какое там письмо. Равнодушное — на ощупь холодное, а чем больше в нём любви, тем письмецо теплее.

— А стоит нам, домовым, запечатанное письмо на лоб себе положить, — прибавил второй, — так мы вам от слова до слова скажем, про что там написано.

— Это дело другое, — сказал г-н Колбаба. — Но уж коли мы с вами здесь собрались, хочется мне вас кое о чём расспросить. Конечно, ежели позволите...

— От вас, господин Колбаба, секретов нет, — ответил третий домовый. — Спрашивайте, о чём хотите.

— Мне любопытно знать: что домовые кушают?

— Это как кто, — сказал четвёртый карлик. — Мы, домовые, живущие в разных учреждениях, питаемся, как тараканы, тем, что вы, люди, роняете: крошку хлеба, там, либо кусочек булочки. Ну, сами понимаете, господин Колбаба: у вас, людей, не так-то уж много изо рта сыплется.

— А нам, домовым почтовой конторы, неплохо живётся, — сказал пятый карлик. — Мы варим иногда телеграфные ленты; получается вроде лапши, и мы её почтовым клейстером смазываем. Только этот клейстер должен быть из декстрина*.

— А то марки облизываем, — добавил шестой. — Это вкусно, только бороду склеивает.

— Но больше всего мы любим крошки, — заметил седьмой. — Вот почему, господин Колбаба, в учреждениях редко крошки с мусором выметают: после нас их почти не остаётся.

— И ещё позвольте спросить: где же вы спите? — промолвил г-н Колбаба.

— Этого, господин Колбаба, мы вам не скажем, — возразил восьмой старичок. — Ежели люди узнают, где мы, домовые, живём, они нас оттуда выметут. Нет, нет, этого вы знать не должны.

«Ну, не хотите говорить, не надо, — подумал Колбаба. — А я всё-таки подсмотрю, куда вы пойдёте спать».

Сел он опять к печке и стал внимательно следить. Но так уютно устроился, что начали у него веки слипаться, и не успел он досчитать до пяти — уснул как убитый и проспал до самого утра.

О том, что он видел, г-н Колбаба никому не стал рассказывать, потому что, вы сами понимаете, на почте ведь нельзя ночевать. А только с тех пор стал он людям письма разносить охотней. «Вот это письмо, — говорил

**Декстрин* — полисахарид, получаемый термической обработкой картофельного или кукурузного крахмала. Применяется для приготовления клеящих средств, а также в пищевой и лёгкой промышленности.

он себе, — тёплое, а это вот прямо греет — такое горячее: наверно, какая-нибудь мамаша писала».

Как-то раз стал г-н Колбаба письма разбирать, которые из почтового ящика вытащил, чтобы по адресам их разнести.

— Это что ж такое? — вдруг удивился он. — Письмо запечатанное, а ни адреса, ни марки на нём нету.

— Да, — говорит почтмейстер. — Опять кто-то опустил в ящик письмо без адреса.

Случился в это время на почте один господин, посылавший матери своей письмо заказное. Услыхал, что они говорят, и давай того человека ругать.

— Это, — говорит, — какой-то чурбан, идиот, осёл, ротозей, олух, болван, растяпа. Ну где это видано: посылать письмо без адреса!

— Никак нет, сударь, — возразил почтмейстер. — Таких писем за год целая куча набирается. Вы не поверите, сударь, до чего люди рассеянны бывают. Написал письмо и сломя голову — на почту, а не думает о том, что адрес забыл написать. Право, сударь, это чаще бывает, чем вы полагаете.

— Да неужто? — удивился господин. — И что же вы с такими письмами делаете?

— Оставляем лежать на почте, сударь, — ответил почтмейстер. — Потому что не можем адресату вручить.

Между тем г-н Колбаба вертел письмо без адреса в руках, бурча:

— Господин почтмейстер, письмо такое горячее. Видно, от души написано. Надо бы вручить его по принадлежности.

— Раз адреса нет, оставить, и дело с концом, — возразил почтмейстер.

— Может, вам бы распечатать его и посмотреть, кто отправитель? — посоветовал господин.

— Это не выйдет, сударь, — строго возразил почтмейстер. — Такого нарушения тайны корреспонденции допускать никак нельзя.

И вопрос был исчерпан.

Но когда господин ушёл, г-н Колбаба обратился к почтмейстеру с такими словами:

— Простите за смелость, господин почтмейстер, но насчёт этого письма нам, может быть, дал бы полезный совет кто-нибудь из здешних почтовых домовых?

И рассказал о том, что однажды ночью сам видел, как тут хозяйничала почтовая нечисть, которая умеет читать письма, не распечатывая.

Подумал почтмейстер и говорит:

— Ладно, чёрт возьми. Куда ни шло. Попробуйте, господин Колбаба. Ежели кто из господ домовых скажет, что в этом запечатанном письме написано, может, мы узнаем, и к кому оно.

Велел г-н Колбаба запереть его на ночь в конторе и стал ждать. Ближе к полуночи слышит он: топ-топ-топ по полу, будто мыши бегают. И видит опять: домовые письма разбирают, посылки взвешивают, деньги считают, телеграммы выстукивают. А покончив с этими делами, сели рядом на пол и, взявши в руки письма, в марьяж играть стали.

Тут г-н Колбаба их окликнул:

— Добрый вечер, господа человечки!

— А, господин Колбаба! — отозвался старший человек. — Идите опять с нами в карты играть.

Господин Колбаба не заставил себя просить дважды — сел к ним на пол.

— Хожу, — сказал первый домовый и положил свою карту на землю.

— Крою, — промолвил второй.

— Бью, — отозвался третий.

Пришла очередь г-н Колбабы, и он положил то самое письмо на три остальные.

— Ваша взяла, господин Колбаба, — сказал первый чертяка. — Вы ходили самой крупной картой: тузом червей.

— Прошу прощения, — возразил г-н Колбаба, — но вы уверены, что моя карта такая крупная?

— Конечно! — ответил домовый. — Ведь это письмецо парня к девушке, которую он любит больше жизни.

— Не может быть, — нарочно не согласился г-н Колбаба.

— Именно так, — твёрдо возразил карлик. — Ежели не верите, давайте прочту.

Взял он письмо, прислонил ко лбу, закрыл глаза и стал читать:

— «Ненаглядная моя Марженка, пышу я тебе...» Орфографическая ошибка! — заметил он. — Тут надо «и», а не «ы»! «...что получил место шофёра так ежли хочишь можно справлять сватьбу напиши мне ежели ещё меня любишь пыши скорей твой верный Францик».

— Очень вам благодарен, господин домовый, — сказал г-н Колбаба. — Это-то мне и надо было знать. Большое спасибо.

— Не за что, — ответил мужичок с ноготок. — Но имейте в виду: там восемь орфографических ошибок. Этот Францик не особенно много вынес из школы.

— Хотелось бы мне знать: какая же это Марженка и какой Францик? — пробормотал г-н Колбаба.

— Тут не могу помочь, господин Колбаба, — сказал крохотный человечек. — На этот счёт ничего не сказано.

Утром г-н Колбаба доложил почтмейстеру, что письмо написано каким-то шофёром Франциком какой-то барышне Марженке, на которой этот самый Францик хочет жениться.

— Боже мой! — воскликнул почтмейстер. — Это страшно важное письмо! Необходимо вручить его барышне.

— Я бы это письмецо мигом доставил, — сказал г-н Колбаба. — Только бы знать, какая у этой барышни Марженки фамилия и в каком городе, на какой улице, под каким номером дом, в котором она живёт.

— Это всякий сумел бы, господин Колбаба, — возразил почтмейстер. — Для этого не надо быть почтальоном. А хорошо бы, несмотря ни на что, это письмо ей доставить.

— Ладно, господин почтмейстер! — воскликнул г-н Колбаба. — Буду эту адресатку искать, хоть бы целый год бегать пришлось и весь мир обойти.

Сказав так, повесил он через плечо почтовую сумку с тем письмом да хлеба краюхой и пошёл на розыски.

Ходил-ходил, всюду спрашивая, не живёт ли тут барышня такая, Марженкой звать, которая письмецо от одного шофёра, по имени Францик, ждёт. Прошёл всю Литомержицкую и Лоунскую область, и Раковницкий край, и Пльзенскую и Домажлицкую область, и Писек, и Будейовицкую, и Пршелочскую, и Таборскую, и Чаславскую область, и Градецкий уезд, и Ичсский округ, и Болеславскую область. Был в Кутной Горе, Литомышле, Тршебони, Воднянах, Сущице, Пршибраме, Кладне и Млада Болеславе, и в Вотице, и в Трутнове, и в Сobotке, и в Турнове, и в Сланом, и в Пелгржимове, и в Добруш-

ке, и в Упице, и в Гронове, и у Семи Халуп; и на Кракорке был, и в Залесье, — ну, словом, всюду. И всюду расспрашивал насчёт барышни Марженки. И барышень этих Марженок в Чехии пропасть оказалось: общим числом четыреста девять тысяч девятьсот восемьдесят. Но ни одна из них не ждала письма от шофёра Францика. Некоторые действительно ждали письмеца от шофёра, да только звали этого шофёра не Франциком, а либо Тоником, либо Ладиславом, либо Вацлавом, Иозефом, либо Яролем, Лойзиком или Флорианом, а то Ирккой, либо Иоганом, либо Вавржинцем, а то ещё Домиником, Венделином, Эразмом — ну по-всякому, а Франциком — ни одного. А некоторые из этих барышень Марженок ждали письмеца от какого-нибудь Францика, да он не шофёр, а слесарь либо фельдфебель, столяр либо кондуктор или, случалось, аптекарский служащий, обойщик, парикмахер либо портной — только не шофёр.

И проходил так г-н Колбаба целый год да ещё день, всё никак не мог вручить письмо надлежащей барышне Марженке. Много чего узнал он: видел деревни и города, поля и леса, восходы и закаты солнца, прилёт жаворонков и наступление весны, посев и жатву, грибы в лесу и зреющие сливы; видел Жатский хмель и Мельницкие виноградники, Тршебонских карпов и Пардубицкие пряники, но, досыта насмотревшись на всё это за целый год с днём, и всё понапрасну, сел, повесив голову, у дороги и сказал себе:

— Видно, напрасно хожу: не найти мне этой самой барышни Марженки.

Стало ему обидно до слёз. И барышню Марженку-то жалко, что не получила она письма от парня, который её

больше жизни любит; и шофёра Францика жалко, что письмо его доставить не удалось; и самого себя жалко, что столько трудов на себя принял, в дождь и в жару, в слякоть и ненастье по свету шагал, а всё зря.

Сидит так у дороги, горюет — глядь: по дороге автомобиль идёт. Катится себе потихонечку — километров этак шесть в час. И подумал г-н Колбаба: «Верно, какой-нибудь устаревший рыдван. Ишь ползёт!»

Но как подъехал тот автомобиль ближе — ей-богу, прекрасный восьмицилиндровый «Бугатти»! А за рулём печальный шофёр сидит, весь в чёрном; а сзади господин печальный, тоже в чёрном.

Увидел печальный господин грустного г-на Колбабу у дороги, приказал остановить машину и говорит:

— Садитесь, почтальон, подвезу немного!

Обрадовался г-н Колбаба, потому что у него от долгой ходьбы ноги заболели. Сел он рядом с печальным господином в чёрном, и тронулась машина дальше в свой печальный путь.

Проехали они так километра три, спрашивает г-н Колбаба:

— Простите, сударь, вы не на похороны едете?

— Нет, — промолвил глухим голосом печальный господин. — Почему вы думаете, что на похороны?

— Да потому, сударь, — ответил г-н Колбаба, — что вы изволите таким печальным быть.

— Оттого я такой печальный, — говорит замогильным голосом господин, — что машина едет так медленно и печально.

— А почему, — спросил г-н Колбаба, — такой замечательный «Бугатти» едет так медленно и печально?

— Оттого, что ведёт её печальный шофёр, — мрачно ответил господин в чёрном.

— Ага, — промолвил г-н Колбаба. — А позвольте спросить, ваша милость, отчего же так печален господин шофёр?

— Оттого, что он не получил ответа на письмо, которое отправил ровно год и один день тому назад, — ответил господин в чёрном. — Понимаете, он написал своей возлюбленной, а она ему не ответила. И вот он думает, что она его разлюбила.

Услышав это, г-н Колбаба воскликнул:

— А позвольте спросить, вашего шофёра не Франциком звать?

— Его зовут господин Франтишек Свобода, — ответил печальный господин.

— А барышню — не Марженкой ли? — продолжал свои расспросы г-н Колбаба.

Тут отозвался печальный шофёр.

— Мария Новакова — вот имя изменщицы, которая забыла мою любовь, — промолвил он с горьким вздохом.

— Ага! — радостно воскликнул г-н Колбаба. — Милый мой, так вы и есть тот глупец, тот дурак, тот пень, та тупица, тот путаник, тот стоерос, то бревно, та дубина, та балда, то полено, то помело, тот капустный кочан, тот урод, тот пентюх и та кликуша, тот ненормальный, тот помешанный, тот простофиля, тот лунатик, тот юродивый, тот губошлёп, тот распустёха, тот растерёха, та тыква, та картофелина, тот шут, тот паяц, тот дурень, тот петрушка, та лапша, тот слюнтяй и тот ванёк, который опустил в почтовый ящик письмо без адреса и без марки? Господи! Как я рад, что имею честь с вами по-

знакомиться! Ну, как же барышня Марженка могла вам ответить, ежели она вашего письма до сих пор не получила?

— Где, где моё письмо? — воскликнул шофёр Францик.

— Да вы мне только скажите, — ответил Колбаба, — где барышня Марженка живёт, и письмо, будьте уверены, сейчас же полетит напрямик к ней. Господи боже ты мой! Целый год с одним днём таскаю я это письмо в сумке, по всему свету рыскаю, ищу эту самую барышню Марженку! Ну-ка, золотой мой паренёк, давайте мне живо, скорей, мигом, без промедления, адрес барышни Марженки, и я пойду вручу ей это письмецо.

— Никуда вы не пойдёте, господии почтальон! — сказал господин в чёрном. — Я вас туда отвезу. Ну-ка, Францик, поддай газу и кати к барышне Марженке.

Не успел он договорить, как шофёр Францик дал газ, машина рванулась вперёд и пошла, мои милые, писать по семидесяти, по восьмидесяти километров, по сто, по сто десять, сто двадцать, сто пятьдесят, всё быстрее и быстрее, так что мотор пел, заливался, рычал, гудел от радости, и господин в чёрном должен был держать обеими руками шляпу, чтобы не улетела, и г-н Колбаба вцепился обеими руками в сиденье, а Францик кричал:

— Славно катим, а? Сто восемьдесят километров! Ей-богу, не едем, а летим прямым ходом по воздуху. Вон она, дорога-то, где осталась! Ей-ей, у нас крылья выросли!

И, летя так со скоростью сто восемьдесят семь километров, увидели они хорошенькую беленькую деревушку — да это Либнятов, честное слово! — и шофёр Францик сказал:

— Ну вот и приехали!

— Тогда остановитесь! — промолвил господин в чёрном, и машина опустилась на землю у деревенской околицы.

— А «Бугатти» этот неплохо бегают! — с удовольствием отметил господин. — Ну, теперь, господин Колбаба, можете отнести барышне Марженке письмо.

— Не лучше ли будет, ежели господин Францик сам расскажет ей, что в этом письме написано. Ведь там целых восемь орфографических ошибок!

— Что вы! — возразил Францик. — Мне стыдно ей на глаза показаться: ведь она столько времени ни одного письма от меня не получала. Верно, совсем уж меня забыла и не любит нисколько, — прибавил он сокрушённо. — Идите вы, господин Колбаба; она живёт вон в том домике, у которого окна такие чистые, как вода в колодце.

— Иду, — ответил г-н Колбаба.

Замурлыкал себе под нос: «Едет, едет, едет он, едет славный почтальон», и — раз, два, правой — к тому домику. А там, у чистого окошечка, сидела бледная девушка и шила.

— Дай Бог здоровья, барышня Марженка, — окликнул её г-н Колбаба. — Не платье ли себе шьёте подвенечное?

— Ах, нет, — печально ответила барышня Марженка. — Это я саван себе шью.

— Ну-ну, — участливо промолвил г-н Колбаба. — Ай-ай-ай, угодники пресвятые, ей-ей-ей, мученики преподобные, может, до этого не дойдёт! Вы, барышня, разве больны?

— Не больна я, — вздохнула барышня Марженка, — а только сердечко у меня разрывается от горя. — И она прижала руку к сердцу.

— Господи боже! — воскликнул г-н Колбаба. — Подождите, барышня Марженка, не давайте ему разрываться ещё немножко. Отчего ж это оно у вас так болит, позвольте спросить?

— Оттого, что вот уже год и день, — тихо промолвила барышня Марженка, — уже день и год я жду одного письмеца, а оно всё не приходит.

— Не горюйте, — стал утешать её г-н Колбаба. — А я вот целый год и день письмо одно ношу в сумке и не найду кому отдать. Знаете что, барышня Марженка? Отдам-ка я его вам!

И он подал ей письмо.

Барышня Марженка побледнела ещё больше.

— Господин письмоносец, — тихим голосом промолвила она. — Это письмо, наверно, не ко мне: на конверте нет адреса!

— А вы загляните внутрь, — возразил г-н Колбаба. — Если не к вам, вернёте мне, вот и всё.

Барышня Марженка распечатала дрожащими руками письмо, и, только начала читать, на щеках её выступил румянец

— Ну как? — спросил г-н Колбаба. — Вернёте мне или нет?

— Нет, — пролепетала барышня Марженка, сияя от радости. — Ведь это то самое письмо, господин почтальон, которое я целый год и день ждала! Не знаю, как и благодарить вас, господин письмоносец.

— Я вам скажу как, — ответил г-н Колбаба. — Уплатите мне две кроны штрафа за то, что письмо без марки, понятно? Господи Иисусе, я ведь с ним целый год и день бегаю, чтобы эти две кроны в пользу почты взыскать! Вот так: покорно благодарю, — продолжал он, по-

лучив две кроны. — А там вон, сударыня, кто-то вашего ответа ждёт.

И он кивнул на шофёра Францика, который — тут как тут стоял на углу.

И пока г-н Францик получал ответ, г-н Колбаба, сидя рядом с господином в чёрном, говорил ему:

— Год и день, ваша милость, я с этим письмом про-бегал, да стоило того: во-первых, чего только не пови-дал! Такая это чудная, прекрасная сторона — хоть у Пльзня взять, хоть у Горжице, либо у Табора... Ага, гос-подин Францик уже назад идёт?

Ну, понятно: такое дело легче с глазу на глаз уладить, чем письмами без адреса.

А Францик ничего не сказал; только глаза его смеялись.

— Поехали, сударь?

— Едем, — ответил господин в чёрном. — Сперва отвезём господина Колбабу на почту

Шофёр сел за руль, нажал стартёр, включил сцепле-нье и газ, и машина тронулась с места плавно, легко, как во сне. И стрелка спидометра сейчас же остано-вилась на цифре 120 километров.

— Хорошо идёт машина, — с удовольствием отметил господин в чёрном. — Она мчится так оттого, что её ведёт счастливый шофёр.

Они доехали благополучно — и мы тоже.

БЕЛЯЕВСКАЯ ЗАИМКА *

Маленькие рассказы о жизни двух хороших людей

В НОЧНОЕ

Ночевали дед Данила с Лёхой всегда на сеновале.

Дед Данила себе специальную нору в сене вырыл, так что туда сначала заползти надо было, а уж потом только — засыпать. Зато тепло, объяснял дед.

А Лёха просто хлопался где попало, даже одеялом не укрывался, и сквозь щели в навесе на звёзды смотрел.

— Ты чего это не спишь? — спросил как-то дед Данила. — О чём призадумался?

— О лошади размышляю, — отозвался Лёха. — О нашей лошади Шурке.

— Ёлки-моталки! — зашуршал в сене дед Данила. — Как это я сам-то о ней не подумал?!

— Вот уже пять дней я здесь, а до сих пор не научился ездить верхом, — закончил свою горькую мысль Лёха. — И ты, дед Данила, тоже об этом же, да?

Невдалеке от Лёхи из сена немедленно вылезло что-то мохнатое и круглое. Это была голова деда Данилы. Голова сказала:

— Нет, ты только подумай! Заслуженная лошадь, можно сказать, наша Шурка, но если кто о ней думать начинает, так ведь как бы ещё на неё сверху взгромоздиться!

*Окончание. Начало читайте в № 7 за 2018 год.

— Возьми да сам придумай что-нибудь другое, — обиделся Лёха и повернулся на бок, чтобы побыстрее заснуть.

— Уже придумал! — Сено клочками полетело во все стороны, дед Данила энергично выбирался из своей норы. — Это у нас с тобой не жизнь — малина! А у лошади — и-и-эх!..

— У всех у нас жизнь не сахар, — не поворачиваясь, соврал Лёха. — Я вот тоже, может, косить научился, картошку копать обязательно ещё научусь... Подниму тебе на заимке сельское хозяйство!

— Я вот с детства помню, — гнул свою линию дед Данила. — Какое для лошади самое лучшее удовольствие? А? Не знаешь?

— Я же не лошадь, — уклончиво ответил Лёха.

— Вот! — обрадовался дед Данила. — Ты не лошадь! А я точно знаю! Самое лучшее удовольствие для коней — отправиться в ночное!

— Ну?! — заинтересовался Лёха.

— И мы отправимся в ночное с нашей Шуркой! — Дед Данила сгрёб охапку сена и сунул Лёхе.

— Прямо сейчас, что ли?! — поразился внук.

— Держи, держи! — строго скомандовал дед Данила. — А то когда же ещё! Эх, красота! Ночь кругом, понимаешь ли, лошади на свободе пасутся — куда хотят, туда идут, травку щиплют... Невдалеке ручеёк журчит или речка там, за кустом медведь прячется!..

— Это ещё зачем?

— Для пущего интересу! — объяснил дед Данила. — Медведь же знакомый. В общем, благодать! Посиживаешь себе у костерка, в темноту пялишься. А то бросишь сенца под кустик да спишь потихоньку! А ну, слазь с сеновала!

Лёха прыгнул вниз, крепко прижимая к груди охапку сена.

— И под каким же кустом стелить?

— Да под каким захочешь! — беспечно отозвался дед. — Ночное — это дело такое, где уж понравится!

— Дед, — задумчиво продолжал Лёха, — ну ладно, мы с тобой сейчас под кустом спать ляжем... Или сначала у костра погреемся... А Шурка ведь у нас и так гуляет, где захочет, ты ж её в загоне не запираешь. И ручеек у нас журчит, и медведь знакомый по кустам шастает. Объясни мне, пожалуйста, что для лошади-то нашей изменится, если мы с тобой не на сеновале по-человечески уснём, а на земле мёрзнуть станем?!..

Дед Данила вздохнул, аккуратно разбрасывая под кустом сенную подстилку.

— Да нешто ж она не оценит, Шурка наша, что всё это для неё делается, для её лошадиного удовольствия?!..

КУДА ПРЯЧЕТСЯ СОЛНЫШКО

Как-то вечером дед Данила загадочно улыбнулся Лёхе, подмигнул и поманил за собой:

— Айда, чего покажу!

— Чего? — заинтересовался Лёха.

— Знаешь, где солнышко на ночь прячется? — Дед Данила легко взбежал на невысокий пригорок. И сам же ответил: — Да где ж вам, городским, такое знать!

— Ясно, знаю! — обиделся Лёха. — За горизонтом, где же ещё!

— Сам ты — горизонт! — необидно ругнулся дед Данила. — А вот, гляди сюда! Да не сюда, а во-он туда!

Солнце висело низко-низко над землёй, едва не касаясь краем верхушки круглой, похожей на перевернутый горшок горы.

— Сейчас наше солнце опустится на горушку да и покатится по склону вниз, я такое дело не раз уже научно пронаблюдал, — довольный, сообщил дед Данила.

Словно услышав деда, солнце тяжело плюхнулось на пологий склон горы, так что земля под ним, показалось, слегка просела.

— Гы-ы! — поддержал разговор Лёха. — Ну, ты, дед, даёшь! Солнце гору-то не раздавит совсем, как думаешь? Гы-ы!

— Не раздавит, — серьёзно ответил дед Данила. — Оно медленно покатится, осторожно... Ровно девять минут на спуск, факт установленный... А там, под горушкой, болото... посреди болота — дыра здоровенная...

Солнце уже медленно-медленно, едва заметно для глаза катилось вниз по склону, и гора, будто освобождаясь от тяжёлой ноши, постепенно приобретала прежние очертания.

— Всё, утопло, — прошептал дед Данила.

— Дед, да ты что это — серьёзно? — встревожился вдруг Лёха. — Ты что, в самом деле думаешь, будто солнце в болото провалилось, да?!

— А мы сюда не шутики шутить приставлены! — едко заметил старик.

Лёха смолчал. Он смотрел туда, где под горой только что исчезло солнце. Дальние поляны постепенно начало заволакивать негустым молочным туманом.

— Туман, дед, — сказал наконец Лёха.

— Ага! Просёк теперь, скумекал! — неожиданно очень

обрадовался дед Данила. — Ну что скажешь?! А то — горизонт, горизонт ему!

— О чём ты? — не понял Лёха.

— Туман — это что? Вода это, пар! Откуда пар берётся, знаешь? А вот раскали в костре какую железяку докрасна да затолкай в ведро с водой — вот и будет тебе пар!

Туман у подножия горы и над болотом становится всё более плотным и непрозрачным.

— А солнце — оно горяченькое какое, ого-го! Да как в болотину плюхнется! Вот тебе и туман!

— Ну, ты даёшь! — на этот раз с восхищением заметил Лёха. — Хорошо, я согласен, солнце в болото провалилось, в дыру какую-то под этой горой залезло...

— Я чего тебе и толкую, — мотнул головой дед Данила.

— Объясни-ка ты мне тогда, пожалуйста, дедуля, такую вещь... — сладеньким голоском попросил Лёха. — Как же солнце тогда завтра на небе вон с той стороны появится, а не с этой? Ему ж надо из ямы обратно выбраться, верно?

Дед Данила часто-часто и почему-то виновато заморгал своими добрыми глазами. А потом почесал в затылке и горестно вздохнул:

— Уел! Не знаю! Ну, уел же ты меня! Э-эх!

Дед был очень расстроен и всю обратную дорогу до заимки только вздыхал и бормотал себе под нос:

— Уел! Ну, уел! А я-то, старый осёл!..

— Дед! — заорал вдруг Лёха. — Слышишь, дед! Всё сходится! — И тут же сбился почти на шёпот: — Слушай, а может, там какой подземный ход есть, а? Ну, от дыры этой и на другую сторону земли...

ПИСЬМО

— Дед, — сказал однажды Лёха. — Напишу-ка я письмо домой? А то, может, бабушка волнуется...

— И то, — согласился дед Данила. — Ясное дело, волнуется: ты уж почти два месяца тут со мной живёшь. Да и родители, наверное, тоже волнуются.

— Нет, родители не волнуются, — успокоил старика Лёха. — Они же понимают, что я у деда живу. Ты для них — авторитет!

— Вот это правильно, — немного засмутился дед Данила. — Давай тогда бабушку успокаивать будем!

И достал Лёхе бумагу и карандаш.

«Здравствуй, бабушка!» — уверенно вывел Лёха.

— А дальше чего писать?

— Пиши, как есть! — сурово потребовал дед Данила.

«У меня всё хорошо, спим мы с дедом на сеновале...» — написал Лёха и призадумался:

— Слушай, дед, да так бабушка ещё больше волноваться станет! Давай-ка я лучше так напишу: «На сеновале мы с дедом не спим, а спим на кроватях со свежим сеном...»

— Неправда это будет! — по-петушиному выкрикнул дед Данила, но тут же осёкся. — Конечно, чтобы бабушка не волновалась... Эх, не люблю я неправды...

— Да ты, дед, не волнуйся, как приеду, я ей всё расскажу, как было, а там уж чего зря волноваться, если я уже вернулся живым! — здраво рассудил Лёха.

«На стене у деда висит ружьё, а сам я научился ездить верхом на лошади Шурке...»

— Ещё не лучше! — схватился за голову дед. — И как это я сразу-то не сообразил, чего мальцу можно позволить, а чего нельзя!

— Ладно, исправлю, — пообещал Лёха.

«Но я к ружью этому даже близко не подхожу, хотя завтра открывается охотничий сезон, а Шурку вообще один раз только видел, когда меня дед со станции вёз...»

— Так-то лучше, враньё одно сплошное, — согласился дед Данила. — Только вот не люблю я неправды, ох, не люблю...

— Сказал же, как приеду — сразу всё, как было, бабушке расскажу, она ещё тебе и благодарна будет: здоровье в порядке, спасибо зарядке!

— Какой зарядке? — не понял дед.

— Напишу, что зарядку каждое утро на пару с тобой делаем! А по вечерам телевизор смотрим для культурного роста!

— У меня нет телевизора! — стукнул кулаком по столу дед Данила. — А враньё не люблю!

Лёха тем временем перечитал написанное и вдруг всхлипнул.

— Ты чего это? — всполошился дед.

— Ничего! — совсем скуксился Лёха.— Ну что это за жизнь: к ружью не притрагивайся, к лошади не подходи, косу в руки не возьми, спать на сеновале нельзя!.. А что можно? Телевизор целыми днями смотреть, да?! Так это и в городе запросто! Зачем, спрашивается, я к тебе сюда приехал?!

— Лёха! Ляксей, — тихо позвал дед Данила. — Лёшенька, слушай, чего я тебе скажу! Ты не посылай никуда такое дурацкое письмо! Вот приедешь — всё бабушке сам и расскажешь, как было!

— Так она ж волнуется!

— Не-е, — успокоил Лёху дед. — Не волнуется! Я ей ещё со станции, когда тебя встречал, телеграмму дал,

чтобы не переживала и писем не ждала! Потому как в Архиповке нашей почта всё лето не работает!

НА ОХОТУ!

Уже часов пять или даже все восемь дед и внук брели по лесу.

Впереди шёл усталый Лёха с ружьём наизготовку, за ним бодренько семенил дед Данила.

— Вот чего я никак понять не могу, — не оборачиваясь, прошептал Лёха. — Куда они все подевались, а?

Дед Данила на ходу сорвал ромашку, глубоко вдохнул нежный её запах и ничего не ответил внуку.

— Просто удивительно, — шипящим шёпотом продолжал Лёха, пристально вглядываясь в чащу. — Вот когда не надо, зайцы просто табунами шастают... или стадами, как правильно?

— Отарами, — подсказал дед Данила.

— Вот именно!

— Что ж ты, милоч, — смиренно поинтересовался старик, — и в зайца бы пальнул? Зайцы — они ж сейчас серые ещё, на зайца охота — зимой...

— Я не о том! — отмахнулся Лёха и вдруг замер: среди кустов как будто что-то мелькнуло. — А-а, почудилось... Я про другое: вот почему вчера кругом всё летало, по кустам шастало, чирикало, кричало, а сегодня...

— Сегодня в шесть утра охотничий сезон открылся, — по-своему объяснил ситуацию дед Данила. — Ты ж сам в лес с ружьём вышел...

— Вот это меня и бесит! — по-взрослому выразился Лёха. — Закон пакости какой-то!

— Почему это — пакости? — не согласился с внуком дед. — Таких законов в лесу не бывает! Тут завсегда так, не первый год охочусь...

— Да как — так? — взвился Лёха. — Они-то, зверьё, дичь боровая и водоплавающая, каркающая и чирикающая, они-то откуда про начало сезона знать могут?! Ты им всем, что ли, сказал?

— Почему это — я?! — даже обиделся дед Данила. — Мне, по-твоему, за каждой пичугой бегать? Я медведю только одному и сказал, Михал Михалычу...

— Что?! — Ружьё дрогнуло в Лёхиных руках. — Что ты ему, дед, сказал, твоему медведю?!

— Да ничего такого особенно, — успокоил Лёху дед Данила. — Мол, выходим завтра с внуком на охоту, мол, кто не спрячется, я не виноват...

— Дед! — с досадой закричал Лёха. — Да ты ж мне всю охоту испортил!

На глаза Лёхе вдруг попался огромный пятнистый мухомор, и Лёха, почти не целясь, по-казачьи, вlepил в ненавистный гриб заряд мелкой дроби.

Мухомор разлетелся на мелкие крошки.

— Ого! Метко! — похвалил дед Данила.

И почти тут же невдалеке от охотников опустился на брусничную поляну огромный красавец тетерев.

— Дед! Патрон! — у Лёхи перехватило дыхание от небывалой удачи. — Патрон! — кровожадно повторил он.

— Да откуда?! — тепло улыбнулся в ответ дед Данила. — У меня ж всего один только патрон и был, в стволе...

ВСТРЕЧА

К встрече с представителями других миров дед Данила и Лёха были, в принципе, оба готовы. Хотя некоторые разногласия в этом вопросе у них нет-нет да возникали.

— Дед, а дед, — начинал вдруг сомневаться Лёха. — А если они, эти самые инопланетяне, как прилетят, не у нас здесь сядут, не на Беляевской заимке, а где-нибудь в другом месте, а?

— Да где ж им ещё садиться?! — успокаивал внука дед Данила. — Посуди сам, ну не посреди Москвы же или там, скажем, Санкт-Петербурга! Там народищу-то сколько, этак недоглядишь да помнёшь кого космическим кораблём! А то здание повредишь — тоже не больно приятно для первого разу!

— Это верно, — соглашался Лёха.

— Опять же, красота у нас какая! — развивал свою мысль дед Данила. — Что зимой, что летом! Летом — грибочки, ягоды... Думаешь, у них там, в космосе, на каждой звёздочке грузди растут?! Ошибаешься, друг ты мой ситный! А зимой на охоту сходим, с ружьишком побалуемся...

— Пойдут они тебе на охоту, как же! — запальчиво возражал Лёха. — У них же уровень цивилизации какой! Они из ружья по зверям стрелять не станут! Совесть у них космическая!

— Ничего! — не унимался дед Данила. — У меня «тулочка» знаешь какая! Только заяц появится — без посторонней помощи бабахнет!

Дедову двуствольную «тулку» Лёха знал и поэтому на всякий случай тут же каждый раз выглядывал в окно — не прилетел ли уже кто-нибудь?

— Дед, а что мы им скажем, как прилетят?

— Мы, мы! — передразнил Лёху дед. — Ты вообще молчать должен до поры до времени, пока тебя не спросили! Небось солидные люди придут, по важным делам!

— Ну, хорошо, — слегка обидевшись, сдавался Лёха. — Ну, а ты, дед, ты им что скажешь?

— Известное дело, что... — Дед задумчиво тёр небритую щёку. — Здравствуйте, скажу, гости дорогие, проходите в дом, всегда рады... Ну, угощайтесь, скажу, не побрезгуйте нашим угощением...

— Ну, ты даёшь! — всякий раз взвивался от смеха Лёха. — Вот, скажут, деревня, куда мы попали!

— У нас не деревня, а заимка! — Дед и сам понимал, что допускает промашку, нужно бы поизящнее, но признавать этого вслух ни разу не захотел.

— И они же русского-то языка не знают, чего ж ты им про гостей дорогих впустую говорить будешь?

— Это верно, — вздыхал дед Данила. — Но всё равно с гостями поласковее надо, приветливее... Что же, по-твоему, хоть ругательные слова чужакам говори, всё равно не поймут, что ли?

— Поймут, только не слова, — терпеливо объяснял Лёха. — Они мысли твои разберут! У пришельцев телепатия развита, чтение чужих мыслей на расстоянии!..

Лёха в городской своей жизни перечитал все фантастические книжки, какие смог достать его отец, то есть — фактически всё. Дед же Данила фантастику и прочие глупые выдумки не читал вообще. Но космические проблемы его очень волновали.

— Они, дед, сразу поймут, как ты к ним относишься, вот что! Чувства твои уловят!

— Так что же, если я их назову болванами неотёсанными или, допустим, чурбанами, а сам в душе ласку

при этом иметь буду, им очень понравится, да? — упорствовал дед.

— Ну, если болванами, то не знаю... — снова начинал сомневаться Лёха. — Болванов-то, они, может, с русского языка и без телепатии переведут...

— Вот, а ты говоришь! — Поднял вверх жёлтый корявый палец дед Данила. — Ничего, встретим!

Они были хорошо готовы к встрече инопланетных пришельцев. И, тем не менее, произошло всё неожиданно.

Дед с внуком пошли колоть дрова и... За огородом, возле забора невысоким столбом уже торчал только что бесшумно приземлившийся неопознанный объект, из которого не спеша выбирались люди.

— Дед! — толкнул деда Данилу локтем Лёха. — Ну, что же ты! Приветствуй их!

В голове у деда Данилы всё разом перепуталось. Но он шагнул вперёд, помахал над головой рукавицей и громким голосом уверенно произнёс:

— Эй вы, чурбаны неотёсанные!..

— Чего ругаешься-то, дед Данила? — удивлённым голосом ответил главный из космонавтов и сдёрнул гермошлем.

У командира было молодое лицо, нос в конопушках и курчавая сиреневая борода.

— Ёлки-моталки, — сконфузился дед Данила. — Да что это я?!

— Проходите в дом, гости дорогие! — нашёлся Лёха. — Угощайтесь, не побрезгуйте нашим угощением!

— С удовольствием нашим! — Космонавт крепко пожал дедову руку, потом протянул ладонь Лёхе. — Наслышаны в далёком космосе про грибочки здешние!

— А охотничий сезон уже открыт? — застенчиво поинтересовался другой космонавт, низенький здоровяк.

В общем, неплохой народ эти пришельцы оказались.
Вот только истории наши на этом заканчиваются.
Потому что хотелось поговорить о жизни только двоих,
деда и внука.

А теперь на Беляевской заимке хороших людей и не
сосчитать!

Но об этом — в другой раз...

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 28

РЯБИНКА

Дорогие друзья!

Сегодня мы сплетём очень красивые и совсем несложные веточки рябины с ягодами. Ягоды рябины созревают осенью, поэтому и веточки мы будем плести осенью. Осенью листья рябины могут быть самых разных цветов и оттенков: зелёные, жёлтые, оранжевые, красные и многоцветные, то есть в одном листике могут сочетаться по два-три цвета — зелёный цвет может переходить в жёлтый и оранжевый, жёлтый — в оранжевый и красный и т.д.

Ветки с ягодами можно собрать в виде деревца, куста или просто букета. Деревце от куста отличается тем, что у дерева есть основной ствол, от которого отходят крупные толстые ветки, от них средние, затем более тонкие. А у куста одного общего ствола нет: несколько больших и толстых веток растут сразу от корня, а уж потом делятся на средние и тонкие. Дерево рябины имеет, как правило, круглую форму кроны.

Давайте пофантазируем и сделаем нашу самую красивую рябинку с ягодами.

Для работы нам понадобятся: бисер всех оттенков осенней листвы, главное, чтобы он совпадал по фактуре

(матовый, с блеском, перламутровый, парчовый и т.д.). Я имею в виду, что все оттенки бисера должны быть либо матовыми, либо с блеском, либо перламутровыми, либо парчовыми. Иногда можно сочетать и разные фактуры бисера, но делать это самостоятельно смогут те, у кого есть остаток зрения, иначе надо попросить кого-то помочь отобрать нужные цвета и фактуру бисера. Ещё нам понадобятся бусины красного цвета для ягод, можно использовать и крупный бисер, например, № 6. Нам также понадобятся медная проволока диаметром 0,3 мм, более толстая проволока для ягод, флористическая лента коричневого цвета, жёсткие стержни или спицы для формирования более толстых веток и ствола. Возможно, понадобится акриловый лак.

Если мы будем собирать веточки рябины в виде куста или деревца, то листья и ягоды будем делать поменьше, а для букета можно сделать их более крупными. В этом случае и бусины должны быть крупными.

ЛИСТЬЯ ДЛЯ КУСТА ИЛИ ДЕРЕВЦА

Длина проволоки 30 сантиметров, работаем в технике обычного параллельного плетения. Лист плетём по схеме:

1, 2, 3, 4, 5 (три раза), 4, 3, 2, 1.

Может показаться, что остаются очень длинные концы проволоки, но мы должны учитывать, что из этих концов нам нужно формировать не только саму ветку, но и что-то оставить и для более крупных веток, и для основного ствола.

Теперь давайте вернёмся к цветам и оттенкам. Если мы хотим сплести многоцветные листья, то первые два ряда плетём, например, жёлтым цветом, в третьем ряду

жёлтым цветом плетём первую и третью бисерины, а среднюю уже каким-то другим. Середину листа плетём одним цветом, а низ (три нижних ряда) можно сплести так же, как и верхние, но в обратном порядке. Если мы будем резко менять цвета, то лист будет выглядеть несколько неестественным.

В одной ветке всегда нечётное количество листьев, нам понадобятся веточки разной длины, с разным количеством листьев — от семи до пятнадцати. Сначала скручиваем три верхних листочка, а затем приплетаем сразу по два листочка слева и справа, после каждой пары листочков подкручиваем проволоку на четыре-пять оборотов. Количество оборотов должно быть одинаковым, а вот будет их четыре или пять, решайте сами. Здесь всё зависит от того, насколько густую веточку мы хотим сделать, от формы бисера, от того, как плотно мы скручиваем проволоку.

Для букета из рябиновых веток листья будем делать более крупными. Длина проволоки 35 — 40 сантиметров, работаем в технике обычного параллельного плетения, листик плетём по схеме:

1, 2, 2, 3, 3, 4, 4, 5, 6, 6, 5, 4, 3, 2, 1.

При плетении листьев по обеим схемам внимательно следим за тем, чтобы не было видно проволоки в месте, где листик начинает сужаться. Здесь проволоку нужно затянуть сильнее, чтобы листик слегка выгнулся, тогда не будет видно проволочного ушка, а слегка выгнутый листик будет выглядеть более естественным.

ЯГОДЫ

Для ягод возьмём достаточно длинный отрезок проволоки, можно использовать и чуть более толстую прово-

локу, например, 0,4 мм. На середину проволоки нанизываем одну бусину или одну крупную бисерину и подкручиваем концы проволоки на 2 — 2,5 сантиметра, нанизываем на любой из концов проволоки ещё одну бусину, отступаем сантиметра 3 и снова подкручиваем проволоку под этой бусиной и т.д. Все ягоды должны располагаться примерно на одном уровне. Таким способом мы уже плели тычинки для василька, мака, шиповника. В одной грозди может быть штук семь-девять ягод, сама гроздь подкручивается к основанию веточки.

СБОРКА

Со сборкой букета, я думаю, у нас не возникнет сложностей, он собирается, как и любой другой, а вот с деревцем или кустом придётся повозиться.

Для куста формируем несколько крупных веток, например, три или пять, на которых более мелкие веточки располагаются с разных сторон, чтобы крупная ветка не выглядела плоской. Ветки, как обычно, обматываем флористической лентой (нам понадобится лента коричневого цвета). Готовые ветки можно покрыть акриловым лаком. Все ветки можно скрутить между собой, так их будет удобнее поместить в горшочек с гипсом, но место общей скрутки желательно почти полностью утопить в горшочке. Совсем не обязательно делать все ветки прямыми, какие-то из них можно слегка согнуть, чтобы придать нашему кусту естественный вид.

Для деревца сначала формируем верхушку кроны из веточек различной длины, закрепляем эту верхушку на какой-то жёсткий стержень или несколько спиц, скрученных вместе, и уже потом формируем боковые ветви. Верхние делаем чуть короче, средние длиннее, а ниж-

ние тоже чуть короче. У нас получится крона округлой формы. Ствол готового деревца тоже покрываем акриловым лаком и ставим его в горшочек с гипсом. Застывший гипс можно украсить мелкими камешками и бисером, из которого мы плели листочки. Можно использовать и бракованный бисер, которого всегда достаточно много.

Хочу напоследок рассказать вам одну историю.

Одна из наших читательниц решила сплести веточки шиповника по одному из прошлых уроков. Когда дошла до листочков, у них с мамой возник спор: мама говорила, что листочки маловаты, а она ссылалась на схему. В итоге они пошли на улицу рассматривать кусты шиповника, при этом обе оказались правы, потому что с одной стороны дороги росли кусты с крупными листочками, а с другой — с мелкими. Быть может, и вы пойдёте в парк и будете рассматривать веточки рябины и ещё каких-нибудь деревьев и кустов. Лично я постоянно это делаю.

По-прежнему жду от вас вопросы, предложения, пожелания и фотографии ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна